

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Структурно-функциональные особенности
лексико-семантического поля «Смех» в древнерусском языке**

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Отечественная филология
(Русский язык и литература)»

очной формы обучения
Кашникова Анна Ильинична

Научный руководитель:
ст. преп. Чердаков Д. Н.

Рецензент:
д. ф. н., проф. Садова Т. С.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение	3
Глава 1. Смех в культуре и языке. Лексико-семантическое поле как единица описания лексики	7
1.1. Явление смеха в культуре и его отражение в языке	7
1.2. Лексико-семантическое поле как метод исследования лексики в синхронии и диахронии.....	15
1.3. Понятие «лексико-семантическая группа» в лингвистической литературе .	22
1.4. Изменение лексического состава языка. Семантические сдвиги внутри значения слова.	27
Глава 2. Состав и структура лексико-семантического поля «Смех» в древнерусском языке	34
Глава 3. Семантика и функционирование единиц лексико-семантического поля «Смех» в древнерусском языке	51
3.1. Лексико-семантическая группа существительных-наименований смеха	52
3.2. Лексико-семантическая группа существительных-наименований улыбки ..	56
3.3. Лексико-семантическая группа существительных, называющих отношение к кому-, чему-л. с издевательством, насмешкой	57
3.4. Лексико-семантическая группа существительных-наименований лиц по поведению	61
3.5. Лексико-семантическая группа существительных, обозначающих шутку... ..	65
3.6. Лексико-семантическая группа существительных-наименований веселого состояния, времяпрепровождения	66
3.7. Лексико-семантическая группа глаголов смеха	69
3.8. Лексико-семантическая группа глаголов улыбки	73
3.9. Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих отношение к кому-, чему-л. с насмешкой, издевательством	76
3.10. Выводы	81
Заключение	84
Словари	88
Литература	89
Приложение	95

Введение

Смех как отличительная эмоция человека, как определенное поведение и как отдельная философская проблема давно изучается в разных аспектах многими исследователями. Собственно русской смеховой культуре также посвящено немалое количество работ, отличающихся между собой ракурсами исследования, степенью проработки материала, центральной проблемой и т. п. Глубокому изучению смехового мира именно Древней Руси положила начало работа Д. С. Лихачева¹, которая в дальнейшем во многом дополнялась и расширялась и вслед за которой появилось большое число других не менее любопытных исследований.

Однако при всех заметных отличиях в работах такого типа можно выделить один общий момент: собственно материалом, основой, на которой строятся анализ, размышления, обобщения и происходит постановка вопросов, всегда являются некие общие места в сюжетах тех или иных древних текстов, которые и провоцируют читателей, зрителей, окружение на смеховую реакцию, подразумевают ответное поведение, включающее смех как основную составляющую.

Так, «смеховыми» становятся тексты, основанные на иронии или сатире², устоявшиеся и повторяющиеся (и поэтому смешные) сюжетные узлы, определенные ритуалы, сопровождаемые смехом и весельем, призванные отвлечь людей от реальности, направленные, по мнению исследователей, на символическое «преодоление земного мира, смерти»³, связанные с идеей обновления и очищения, (например, масленичные гуляния или святочное ряжение) и т. д. Безусловно, это огромный пласт древнерусской культуры, важность которого нельзя отрицать.

---

¹ Лихачев Д. С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 73—92.

² Что, конечно, является характерным для поздних старорусских текстов, но, по замечаниям исследователей, встречается и в более ранних произведениях.

³ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 164.

Однако думается, что важна и собственно лингвистическая сторона анализа, ведь практически все, что мы знаем о древнерусской культуре, в том числе и смеховой, основывается на материале только письменных источников. Поэтому кажется невозможным также не учитывать собственно те лексемы, которые в разной степени концентрируют в себе базовый семантический (в нашем случае — смеховой) компонент. Представляется важным рассмотрение функционирования в памятниках лексических единиц со значением смеха и улыбки, а также ряда других лексем, содержащих в себе семы, связанные со смехом.

Следует отметить, что материалом исследования будут являться памятники древнерусского периода (XI—XIV вв.), так как в разножанровых произведениях этого времени семантика лексем носит наиболее широкий и обобщенный характер, смысл древнерусских слов является, по словам В. В. Колесова наиболее «синкретичным и емким»¹, что представляет большой интерес для исследования лексики древнего периода, в то время как в более поздних текстах значение постепенно конкретизируется, сменяется «более точными и строгими наименованиями»². Кроме того, представляется логичным, что именно с текстов XI—XIV вв. стоит начать рассмотрение лингвистической стороны смеховой культуры Древней Руси.

В данной работе единицей описания служит лексико-семантическое поле (далее — ЛСП), так как изучение лексических единиц как элементов системы языка является важным аспектом исследования лексики вообще, в том числе и ее истории, и также, что важно, «обуславливает раскрытие глубинных структур семантики»³. Используя в работе термин «лексико-семантическое поле», мы вслед за Л. А. Новиковым будем понимать под ним «множество языковых единиц, объединенных общим (инвариантным) значением»⁴, а

---

¹ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 290.

² Там же.

³ Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: на материале прилагательных цветообозначений русского языка. Л., 1986. С. 13.

⁴ Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванов В. В. и др. СПб.; М.; Краснодар, 2003. С. 238.

лексико-семантическую группу (далее — ЛСГ) как «относительно замкнутый ряд лексических единиц одной и той же части речи, объединенных общей семьей, а именно архисемой более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема поля»¹.

Целью работы является комплексный анализ и характеристика функционирования лексико-семантического поля «Смех» в текстах древнерусского периода, описание употребления лексем, принадлежащих основным ЛСГ, включая этимологию, синтаксические и морфологические характеристики, а также стилистический компонент.

Достижение цели предполагает решение следующих задач:

— изучение теоретического материала, касающегося явления смеха и смеховой культуры вообще, понятия ЛСГ и методов ее исследования, а также основных процессов, повлиявших на развитие лексики в XI—XIV вв.;

— определение состава и объема лексико-семантического поля смеха в русском языке на основании данных словарей древнерусского языка;

— составление и анализ словообразовательных гнезд основных лексем, входящих в лексико-семантическое поле «Смех»;

— выделение фрагментов памятников, маркированных лексемами, принадлежащими ЛСП «Смех»;

— описание семантической структуры лексем, входящих в основные лексико-семантические группы, выявление наиболее частотных и типичных случаев употребления этих лексем в текстах;

— анализ внутренних изменений и проведение обобщений, касающихся особенностей функционирования основных лексических единиц, лексико-семантических групп и лексико-семантического поля в целом.

Источниками примеров употребления лексических единиц, извлекаемых методом сплошной выборки, являются авторитетные издания памятников, а также следующие электронные ресурсы:

---

¹ Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванов В. В. и др. СПб.; М.; Краснодар, 2003. С. 239.

1. Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН¹ (далее — БЛДР) ;

2. Рукописные памятники Древней Руси² (далее — Рукописные памятники);

3. Национальный корпус русского языка³ (далее — НКРЯ).

Научная новизна работы состоит в исследовании собственно лингвистической стороны древнерусской смеховой культуры, что способствует более ясному осознанию закономерностей развития такого сложного и неоднозначного явления, как смех вообще, так как внутриязыковые процессы всегда так или иначе коррелируют с культурным контекстом.

Решение указанных выше задач предполагает использование нескольких методов исследования. Прежде всего, в работе используется описательный метод, подразумевающий выделение единиц описания и их характеристик, дальнейшее обобщение и классификацию материала, метод сплошной (из словаря) и частичной (из текстов) выборки. Кроме того, при анализе семантических особенностей лексем использовались метод компонентного анализа и метод семантического поля. При необходимости также применялись элементы словообразовательного анализа и стилистической характеристики.

Работа содержит введение, в котором определяются цели и задачи исследования, теоретическую главу, посвященную основным понятиям, используемым в работе, и научным проблемам, связанным с ними, две исследовательские главы, где определяется состав и структура ЛСП «Смех», проводится анализ языкового материала, рассматривается характер функционирования выбранных ЛСГ в памятниках, а также заключение, содержащее выводы и обобщения.

---

¹ Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Библиотека литературы Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения: 21. 02. 2018).

² Некоммерческое партнерство «Рукописные памятники Древней Руси». URL: <http://www.lrc-lib.ru/> (дата обращения: 21. 02. 2018).

³ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 21. 02. 2018).

Глава 1. Смех в культуре и языке. Лексико-семантическое поле как единица описания лексики

1.1. Явление смеха в культуре и его отражение в языке

Проблема смеха как явления многогранного, противоречивого, но принципиально важного при описании русской культуры и национального менталитета, как уже было сказано выше, отражена в работах многих исследователей. Опираясь на известную книгу М. М. Бахтина¹, который в своей работе отметил амбивалентность средневекового смеха и подробно рассмотрел его природу, авторы продолжают исследовать русскую смеховую культуру.

Так, С. С. Аверинцев характеризует смех как переходное состояние «от несвободы к свободе»² и, вспоминая предание о том, что Христос никогда не смеялся, обосновывает его тем, что «в точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен»³, но отмечает, что для каждого смертного он необходим: смех выполняет важнейшие социальные функции. По мнению автора, амбивалентность смеха проявляется в том, что, смеясь над несовершенным миром и внешними трудностями, человек одновременно смеется и над своей собственной слабостью и внутренними недостатками, смех — средство, которым пользуется человек, чтобы отреагировать на окружающие обстоятельства.

В другой работе Аверинцев уделяет внимание коннотациям слова «смех» и его лексической сочетаемости в разных языках, отмечает, что в русском языке рядом со словом «смех» часто встречается «грех» (ср., например, многочисленные вариации пословиц типа «И смех, и грех», «Мал смех, да велик грех»). Также, по мнению исследователя, для характеристики русской смеховой культуры важен тот факт, что слова со значением смеха и шутки никогда не появляются рядом со словами, обозначающими святых, «потому,

---

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.

² Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 9.

³ Там же.

что в народном языковом обиходе глагол “пошутить” систематически обозначает деятельность бесов»¹, хотя в других языках такая сочетаемость допустима; в русском языке «уникальна сама энергия, с которой сам язык связывает “беса” и “шутку”, “смех” и “грех”»². Таким образом, смех как «универсалия человеческой природы» по-разному функционирует в разных культурах, обрастая различными оттенками значений.

Исконную двойственность и противоречивость явления смеха подчеркивали также и другие исследователи. Например, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и Н. В. Поньрко в книге, посвященной изучению истории смеха в древнерусской культуре, трактуют его как разрушающее и созидующее начало: «разрушая, он строит и нечто свое: мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически не оправданных соотношений, мир свободы от условностей, а потому в какой-то мере желанный и беспечный»³, также отмечается направленность смеха на самого смеющегося. «Смеховой мир» человека древней Древней Руси рассмотрен на примере образа юродивого, поскольку именно с его деятельностью связаны смеховое и комическое начала в Древней Руси. По мнению авторов, выступая в своей деятельности с критикой реальности, юродивый живет в другом, потустороннем мире, служит народу проводником в этот «мир антикультуры». Важно подчеркнуть, что «антикультура» не несет здесь отрицательных коннотаций, скорее наоборот — это мир истинных ценностей. Однако с этой позицией не соглашается Аверинцев, который, как уже упоминалось выше, считает, что юродивый близок бесовскому началу и, развлекая публику, обрекает людей на грешный, совсем не праведный, смех⁴.

Кроме того, авторы делают вывод, что тип смеха в культуре меняется медленно и с трудом, так как «смех зависит от среды, от взглядов и

---

¹ Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., 1993. С. 341.

² Там же.

³ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 3.

⁴ Подобной позиции также придерживаются Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский. См. об этом: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. №3. С. 148—167.

представлений, господствующих в этой среде, он требует единомышленников»¹. Именно поэтому есть возможность выделять целые «эпохи смеха».

Подтверждает точку зрения о двойственной направленности древнерусского смеха и А. Г. Бобров², подробно анализируя конкретные эпизоды из Повести временных лет, которые маркированы лексемами «смех», «смеяться». По мнению автора, для большинства «смеховых» ситуаций в памятнике применима модель «незнание будущего — смех — гибель»³, а так как «смех, как правило, связан с гибелью или с опасностью для того, кто смеется, в определенном смысле он тоже направлен на самого смеющегося»⁴, хотя в рассмотренных случаях люди смеются вовсе не над собой, а над кем-то другим.

Интересной представляется позиция М. И. Стеблина-Каменского, который убежден в исконной ненаправленности архаического смеха, то есть, в противоположность ранее высказанным точкам зрения, смех, по его мнению, не выступает как явление амбивалентное — направленное на осмеяние чего-либо во внешнем мире и в самом себе. Древний смех призывал скорее удовлетворить «потребности в радости и веселье — едва ли не самые сильные и жизненно важные потребности человека»⁵, нежели бросал вызов окружающему миру. Приписывать архаическому смеху какое-либо идейное содержание, по мнению Стеблина-Каменского, значит смотреть на это явление лишь с современной точки зрения. Осмеяние, насмешка — более поздняя стадия в истории смеха, «осмеяние подразумевает изощренную иронию и, конечно, осознанное авторство»⁶, «изощренные формы направленного смеха — его наиболее интеллектуальные формы»⁷.

---

¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 203.

² Бобров А. Г. Смех в «Повести временных лет» // Русская литература. 2014. №2.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Стеблин-Каменский М. И. Апология смеха // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37. №2. М., 1978. С. 154.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же.

Схожего мнения придерживается и А. Г. Козинцев¹: рассуждая об истоках смеха, его происхождении, автор оспаривает мнение о дуалистической природе смеха, предлагает не разграничивать биологическую и психологическую составляющие, так как это способствует наиболее точному и ясному осознанию природы этого явления, характеризует его как единый феномен. Основным процессом, способствующим порождению смеха, Козинцев считает архаичную «псевдоагрессивную игру»², которая в ранние времена способствовала «предотвращению реальных конфликтов и поддержанию целостности группы»³. По мнению автора, именно этот компонент игры сохраняется и по сей день в явлении смеха как базовый и основной: «смех — это врожденный и бессознательный метакоммуникативный сигнал игры»⁴, который и мотивирует иное восприятие действительности, а именно понимание того, что все происходит не по-настоящему, понарошку, именно это главное значение и «осталось у современного человека, несмотря на все обилие побочных оттенков»⁵. Ирония и насмешка же, по словам Козинцева, являются более поздней стадией развития этого главного и основного значения.

Насмешливый смех как самое характерное уже для развитой культуры и распространенное в жизни явление подчеркивался и другими учеными. Например, В. Я. Пропп, ставя задачу выделить различные виды смеха в связи с изучением комизма в русской культуре, прежде всего выделяет смех насмешливый: на его взгляд, «только этот вид смеха стабильно связан со сферой комического»⁶, «вся огромнейшая область сатиры основана на смехе насмешливом»⁷. Думается, широкое распространение такого вида смеха в культуре отражается также и в языке: большинство глаголов, обозначающих

---

¹ Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этнод о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб., 2002.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. М., 1999. С. 7.

⁷ Там же.

смех или близкие по семантике действия обозначают именно насмешку, осмеяние — это иллюстрирует любой словарь синонимов (например, *посмеиваться, потешаться, подшучивать, пересмеивать, осмеивать, насмеяться, высмеивать, обстебывать, подхихикивать* и т. д.).

Помимо большого семантического пласта, который представлен насмешливым смехом, Пропп также выделяет и другой — смех, который не содержит этой насмешки, и дает ему подробную классификацию: смех подразделяется на добрый, злой, циничный, жизнерадостный, обрядовый, разгульный, и это далеко не все типы, которые можно выделить при дальнейшем научном рассмотрении. Для нашей работы подобная классификация интересна прежде всего тем, что дает импульс для изучения того, как в разное время отражались такие типы смеха в лексике и сохраняется ли такая тонкая семантическая дифференциация среди глаголов со значением смеха в современном русском языке.

В связи с этим представляются особенно ценными исследования В. В. Колесова, который подчеркивал важность изучения основных сфер жизни древнего человека, в том числе и смеховой культуры, именно в лингвистическом аспекте, предлагал связать реальную историю древнерусского общества с историей конкретных слов, на что мы во многом ориентируемся в данной работе при описании материала (см. главу 2 и 3). По его словам, необходимо соотносить «результаты лингвистического исследования с аналогичными результатами исторических и литературоведческих исследований на ту же тему»¹.

Так, Колесов приводит целый ряд слов со значением смеха в древнерусском языке и проводит параллель между их внутренней формой и собственно действием, которое они обозначали, выявляя среди них множество оттенков, «представленных на все случаи жизни»². Например, злой смех представлен глаголами *глумитися, ругатися* и *похритати*, этимология

---

¹ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 6.

² Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. С. 143.

которых восходит к древним корням со значением «оскаленной пасти»¹, то есть здесь наблюдается тесная связь между означающим и означаемым. На основе противопоставлений отрицательного смеха и смеха радостного (*грохотатися, смѣятися*) автор делает вывод о существовании двух типов «социально осознанной смеховой культуры»²: с одной стороны — смех сакральный, ритуальный, а с другой — разрушительный, воинственный. Более того, Колесов делает вывод о том, что «в современном языке все древние оттенки слились в их гиперониме и семантические различия представлены теперь почти только категориально грамматически»³ (*высмеять, осмеять* употребляется вместо старого *похритати*).

Семантическую дифференциацию глаголов со значением смеха рассматривала также К. В. Бачурина⁴, выделяя «смех», «улыбку» и «насмешку» как отдельные семантические поля (далее — СП) и выделяя для СП «насмешка» мотивирующие признаки среди других двух полей. По мысли автора, только глаголы СП «смех» могли мотивировать глаголы СП «насмешка», так как данным глаголам были присущи как положительные, так и отрицательные коннотации, в отличие от СП «улыбка», у глаголов которого практически не встречается негативного оттенка (исключение — диалектные глаголы «зубоскалить», «шкилевать», «галиться» и др., но, по мнению Бачуриной, «в подобных случаях мотивирующим признаком является отнюдь не сема ‘улыбаться’, а скорее значение ‘скалиться, обнажать зубы’»⁵).

Свои выводы автор подтверждает суждением о том, что «избирательность поля ‘насмехаться’ в отношении мотивирующих лексем связана в первую очередь с жестким различием смеха и улыбки русским языковым сознанием»⁶. Однако представляется спорным говорить в таком

---

¹ Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. С. 143.

² Там же.

³ Там же. С. 145.

⁴ Бачурина К. В. ‘Смех’ и ‘улыбка’ как мотивирующие признаки при номинации понятий лексико-семантического поля ‘насмехаться’ в русском языке. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/6880/uid90285_421474c2e576dea62619ef9af87968ce2243fcbd.doc (дата обращения: 20. 04. 2018).

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 1.

случае о русском языковом сознании вообще, в том числе и современном, так как, скорее всего, такое четкое различие было характерно только для глубоко религиозного сознания человека Древней Руси, в то время как сейчас оно практически стерлось. На это указывают и сами примеры, приведенные в статье, — это всегда традиционный фольклор и древние памятники, в которых смех систематически ассоциируется с грехом, нечистой силой, а улыбка не несет отрицательных коннотаций, в то время как сейчас подобные различия нейтрализуются.

В целом большинство исследований, посвященных проблеме смеха в культуре и языке, касаются в основном древних периодов, и, соответственно, как иллюстративный материал в работах привлекаются фрагменты из древнерусских и старорусских памятников. И в этих случаях, как известно, следует помнить об «инкорпорации авторами в памятники обильных, а иногда и обширных фрагментов из исходного канонического текста (Ветхий Завет, Новый Завет, Сочинения отцов церкви и т. п.)»¹ и вообще учитывать тесную взаимосвязь религии с сознанием человека в эти периоды, что представляется особенно значимым в том числе и для данной работы.

Подробно и последовательно рассуждает над этими вопросами в своей работе В. И. Постовалова², где говорит об известных цитатах из Священного писания и других религиозных текстов, содержащих осуждение смеха, постулирование его как греховного действия, и дает свое объяснение подобным фактам. Говоря о православной культуре, по мнению автора, стоит обязательно помнить об ее аскетичности, которая подразумевает «владение своими чувствами и состояниями»³, что уже идет вразрез с основной характеристикой смеха — его спонтанностью и стихийностью. Кроме того, по словам Постоваловой, христианская культура наполнена осознанием собственного греха на протяжении всей жизни человека, что является

---

¹ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 291.

² Постовалова В. И. «Смех» и «слезы» в православном мирозерцании // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма. М., 2007.

³ Там же. С. 78.

реализацией принципа «эсхатологизма, по которому жизнь земная рассматривается в аспекте конца как начала — достижения Царства небесного. Отсюда — приоритет слез и плача по отношению к смеху»¹, допустимой на этом длинном пути является лишь сдержанная улыбка. Кроме того, рассуждая о несовместимости сфер православного и комического, автор говорит о наличии в самом акте комизма неприемлемого для христианского сознания отношения «к другому как к тому, кто ниже тебя»².

Однако, по мнению Постоваловой, важно также понимать, что осуждению в выше описанных случаях подвергается не смех как действие вообще, а только смех как пустое смехотворство, насмешка над кем-, чем-либо. В целом же христианство есть «религия духовной радости»³, и, «избегая “смеха глупца”, оно сохраняет “смех праведника”»⁴.

При всех возможных оппозициях религиозной и традиционной сфер жизни все же следует иметь в виду высокую степень их взаимопроникновения и взаимовлияния. По словам С. М. Толстой, «направление влияния было в целом односторонним — от христианства к народной традиции»⁵, при этом существует область, где взаимодействие двух парадигм выразилось наиболее ярко — это область ритуала, как правило, сопровождаемого играми, смехом и весельем независимо от его генезиса. Так, Н. В. Поньрко, рассуждая о святочных гуляниях, отмечает, что идея двумирности, воплощаемая в празднике рождества (нахождение Христа «посреди божеского и человеческого, посреди жизни и смерти»⁶), переосмысливалась на народной почве в противопоставление телесного верха и телесного низа, в «осмеяние высокого и возвеличивание низкого»⁷, что отражалось как в собственно

---

¹ Постовалова В. И. «Смех» и «слезы» в православном миросозерцании // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 81.

² Там же. С. 84.

³ Постовалова В. И. «Смех» и «слезы» в православном миросозерцании // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 85.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 111.

⁶ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 155.

⁷ Там же. С. 154.

поведении человека (ряжение, маскирование), так и в фольклорных текстах, без которых ритуал не мог быть осуществлен.

Тем не менее все же стоит подчеркнуть, что внешне смех всегда остается за пределами христианского образа жизни, отрицательно маркирован в религиозном сознании. По словам Л. В. Карасева, семантические параллели «радость — смех и страдание — слезы остаются по разные стороны грани, секущей плоскость культурных миров архаики и христианства»¹.

Итак, рассмотрев основные работы, посвященные смеху в культуре и языке, можно сделать вывод о том, что изучение функционирования ЛСГ глаголов смеха и улыбки в древнерусских и старорусских памятниках является важным для более ясного понимания и осознания закономерностей развития такого сложного и неоднозначного явления, как смех вообще, может отражать или по-новому раскрывать его специфику на древнерусской почве.

В связи с этим следует отметить, что изучение самой идеи смеха и смехового начала в русской культуре неизбежно отсылает к исследованию собственно языковых единиц, репрезентирующих идею смеха именно в своей семантике, поскольку, как уже говорилось выше, лексика всегда отражает внеязыковую реальность, а процессы, происходящие внутри языка, так или иначе коррелируют с культурным контекстом.

1.2. Лексико-семантическое поле как метод исследования лексики в синхронии и диахронии

Основным элементом теоретического аппарата в работе выступает понятие «лексико-семантическое поле».

Лексико-семантическому полю (далее — ЛСП) как элементу лексико-семантической системы языка и как методу исследования лексики посвящено в лингвистической литературе существенное количество работ, отражающих этапы эволюции и становления теории поля в истории языкознания и, с другой

---

¹ Карасев Л. В. Философия смеха. М., 1996. С. 55.

стороны, работ собственно теоретического характера, рассматривающих основные проблемы и дискуссионные вопросы в исследуемом явлении.

Наиболее общепринятые и релевантные для данной работы положения, касающиеся всех важнейших параметров ЛСП, приводит в своей работе Ю. Н. Караулов¹, суммируя обширный опыт предыдущих исследований. Так, основными свойствами ЛСП являются связь его элементов, системный характер этой связи, «упорядоченность и взаимоопределяемость»² всех элементов поля, его «целостность и принципиальная выделимость»³. Также существенным свойством поля, по мнению И. В. Арнольд, является его деление на ядро, «элементы которого обладают полным набором признаков»⁴, и периферию, элементы которой «обладают не всеми характерными для поля признаками, могут иметь и признаки, присущие соседним полям»⁵. Следует отметить, что ЛСП автором понимается предельно широко: в него могут входить элементы, связываемые в сознании лишь ассоциативно.

Однако, по мнению А. М. Кузнецова⁶, не всякая связь элементов может мотивировать включение той или иной лексической единицы в ЛСП. Одним из основных требований к интегральному признаку, по словам автора, следует признать однородность лексем по своему значению. Например, глаголы типа *пить*, *думать*, *разговаривать* и т. п. «содержат в своем составе признак “активность субъекта”»⁷, но отнесение их к одному ЛСП вряд ли возможно. Кроме того, общий семантический признак, по замечанию Кузнецова, должен иметь ограничительные свойства, «предопределяя вхождение в состав поля обозримого количества единиц»⁸.

По-разному также определяется и характер связи между элементами поля. Караулов предполагает в основе любых семантических объединений

---

¹ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

² Там же. С. 33.

³ Там же.

⁴ Арнольд И. В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1991. №3. С. 124.

⁵ Там же.

⁶ Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 73.

синонимическое отношение, «которое подчиняется соответствующей суперординате и само содержит в себе гипонимы»¹, а также отмечает вторичность в них антонимических отношений, их «индуцированность полем»², в то время как, по словам Кузнецова, понятие синонимии или антонимии «оказывается весьма непродуктивным в теории семантического поля»³ по его мнению, целесообразно обозначить все элементы ЛСП как «слова, соотносимые по значению»⁴.

Наконец, существенным представляется вопрос об определении границ ЛСП. Как правило, большинством исследователей отмечается незавершенный характер поля, неопределенность его границ, что обусловлено наиболее тесной связью данного объединения с экстралингвистическими факторами, зависимостью от субъективного человеческого взгляда, «включением в поле слов различных частей речи»⁵, а также с активными динамическими процессами внутри лексического состава языка. В целом же открытость поля, его «способность „генерировать“ новые слова»⁶ либо признается его фундаментальным свойством, либо воспринимается как всеобщее неизбежное допущение⁷, так как «языковые категории обычно не вмещаются в жесткие рамки той или иной системы»⁸.

Важно отметить, что абсолютное большинство исследований лексико-семантический полей затрагивают исключительно синхронный срез, а все собственно теоретические труды предполагают иллюстрацию полученных выводов средствами именно современного языка. Думается, что нечастое применение метода поля в изучении истории языка обусловлено прежде всего неопределенностью границ ЛСП и большой долей субъективности в его

---

¹ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 111.

² Там же.

³ Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980. С. 75.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989. С. 71.

⁶ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 214.

⁷ См., напр., Уфимцева А. А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 30–63.; Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980; Кочерган М. П. Лексическая сочетаемость и лексико-семантическая типология // Филологические науки. 1980. №5. С. 40–49.

⁸ Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978. №4. С. 10.

построении, о которой было сказано выше. По мнению Б. А. Ларина¹, именно произвольное установление границ семантического ставит под сомнение плодотворность данного метода в исследованиях, посвященных историческому развитию лексики, по словам автора, «группировки, которые исходят из культурно-общественных отношений, не имеют единства в своем развитии и прочных связей»². Следует подчеркнуть, что многими исследователями данная точка зрения поддерживается, а во многих случаях предлагается использовать метод поля для изучения развития не только лексических категорий языка.

Так, А. В. Бондарко, а также Г. С. Щур рассуждают о проблеме применения метода поля в других областях языкознания, в частности в грамматике, где, в отличие от лексического уровня, тенденции к системности прослеживаются наиболее четко, а «связи системы грамматических единиц, классов и категорий с их лексико-грамматическим окружением в рамках поля расширяют рамки грамматики»³: это, по мнению Щура, обуславливает необходимость создания «общих теорий систем, структур и поля с установлением типа последних, что может быть получено лишь в результате изучения объектов разных классов»⁴.

Следует подчеркнуть, что в последнее время прослеживается тенденция к все более частому описанию лексических единиц в древних памятниках как элементов различных семантических объединений, однако теоретическое осмысление проблемы построения ЛСП на материале древних текстов остается недостаточно разработанным. В подобных работах, как правило, оговаривается, что определенный период развития языка берется в качестве синхронного среза, а ЛСП⁵ рассматривается как набор семантических

---

¹ Ларин Б. А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 11–43.

² Там же. С. 13.

³ Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. №1. С. 20.

⁴ Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.; Л., 1974. С. 198.

⁵ Следует отметить, что в работах, рассматривающих лексику в диахроническом аспекте, не прослеживается четкого единообразия в употребляемых терминах, хотя в большинстве случаев авторами имеются в виду схожие по структуре с ЛСП семантические объединения.

парадигм с более или менее четкими границами, имеющий ряд специфических особенностей в связи с самим объектом изучения — древним языком.

Так, Н. Г. Михайловская в качестве своеобразных черт древнерусского языка выделяет его «большую синонимичность»¹, иное строение семантической структуры слова по сравнению с современным русским языком, диффузность значения лексем, а также особенно важную роль рассмотрения контекста в связи с наличием только письменных текстов: по мнению автора, установление системных отношений лексем в древних текстах необходимо и «возможно на основании анализа условий их употребления»². Период XI–XIV вв. определяется Михайловской как синхронный срез в том числе на основании «семантической стабильности древнерусской лексики»³. Исследование лексики выделенного периода при помощи деления на ЛСП, по словам Михайловской, продуктивно также потому, что «в языке древнерусской книжной письменности словоупотребление базируется на тематической прикрепленности лексем»⁴, что облегчает процесс определения границ поля.

Необходимость изучения древнерусской лексики как системы подчеркивается также Л. П. Клименко, который, анализируя функционирование нескольких лексико-семантических групп глаголов движения и речи, отмечает их иерархичность, структурность, «наличие единиц и связей между ними»⁵, при этом автором рассматриваются также семантические связи за пределами выделенных групп, их экстралингвистическая отнесенность, что в целом очень близко к современным исследованиям ЛСП.

Стоит отметить, что тенденция к пониманию ЛСП как набора четко структурированных семантически связанных парадигм, чаще всего лексико-

---

¹ Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв.: автореф. дис. ...доктора филол. наук. М., 1979. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Клименко Л. П. Лексико-семантическая система древнерусского глагола и ее отражение в памятниках письменности XI–XIV вв. Горький, 1990. С. 59.

семантических групп, попытка не включать в поле лексемы, основанные лишь на ассоциативном соотношении, наблюдается в работах по исследованию как современного языка, так и его древнего состояния¹.

Еще одной важной отличительной чертой изучения системности лексики при диахроническом подходе, по мнению А. М. Молдована, являются совершенно особые характеристики древнего текста, а именно принципиальная многочисленность его вариантов и в связи с этим неспособность конкретного списка текста, который является материальным носителем лексики, выступать в качестве полноценного лексического источника. По словам автора, полноценное системное описание лексических единиц возможно только при обращении к таким изданиям памятников, которые «базируются на текстологическом исследовании всех списков текста»², отдельный список должен быть «осмыслен в качестве звена в рукописной истории текста»³. Кроме того, необходимо учитывать и существующие редакции исследуемого памятника для наиболее точного осознания места, занимаемого той или иной лексемой в системе языка в конкретный период. Например, анализ нескольких редакций Жития Андрея Юродивого, по мнению Молдована, позволяет говорить о тенденции к универсализации, начиная с XII в., языковых норм церковнославянского языка, которая проявляется в последовательном исключении «слов региональных, устаревших, экспрессивных и т. п., стремлении сузить лексическую палитру»⁴. Все перечисленные положения, конечно, напрямую влияют на способ построения и анализа ЛСП в древних текстах.

Описание ЛСП в диахроническом аспекте осложняется, по мнению М. Н. Заметалиной также тем, что исследователю при отборе лексических единиц и при непосредственном анализе «важно иметь в виду органическую связь языка

---

¹ Ср., напр., Курлюта И. Н. Семантическое поле глаголов с общим значением «делать» в древнерусском языке XI–XIV вв.: дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 2002; Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2005.

² Молдован А. М. Лексический аспект в истории церковнославянского языка // Вопросы языкознания. 1997. №3. С. 64.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 71.

с историей и культурой народа, обусловленность в той или иной степени его эволюции своеобразием социальной, экономической, культурной жизни данного общества»¹, что является очевидным при рассмотрении современного языка, однако представляет известную трудность в исторических исследованиях, так как освободиться от современных представлений о каком-либо явлении зачастую непросто.

Более того, Заметалина подчеркивает важность обращения к источникам разного плана, в том числе сравнения контекстуального употребления со словарными дефинициями, а также использования показателей частотности в целях получения наиболее объективной картины употребления той или иной лексемы: помимо этого, по мнению автора, при анализе поля в диахронии необходимо учитывать и сам факт отсутствия в нем какого-либо фрагмента на рассматриваемом этапе, а также его причины.

В целом, несмотря на существенное количество неоднозначных моментов, оговорок при изучении ЛСП в диахроническом аспекте, подобное исследование представляется столь же возможным, как и изучение ЛСП в современном языке, хотя и требует большей тщательности и кропотливости в отборе и анализе материала. В последнее время также встречаются работы, посвященные и собственно эволюции определенных ЛСП в истории русского языка², однако, как правило, охват материала в них остается предельно ограниченным, и большинство рассуждений не подкрепляется примерами из древних памятников. Скорее всего, по этой причине исследователи семантических объединений сравнительно большого объема, как, например, ЛСП, чаще ориентируются на синхронный срез. В связи с этим следует подчеркнуть, что данная работа также представляет собой исследование именно синхронного среза с минимальным обзором дальнейших путей развития отдельных лексических единиц.

---

¹ Заметалина М. Н. К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии // Филологические науки. 2002. №5. С. 90.

² См., напр., Кузнецова О. А. История и мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2015. №395. С. 10–17.

1.3. Понятие «лексико-семантическая группа» в лингвистической литературе

Как уже было сказано выше, в данной работе основной структурной единицей ЛСП является лексико-семантическая группа (далее — ЛСГ), однако в исследованиях, посвященных системным связям в лексике, не наблюдается единообразия в употреблении этого понятия, в отличие от ЛСП, в связи с чем представляется важным проанализировать статус и место данного термина в лингвистической литературе.

Итак, в современной науке одними из самых частотных терминов, связанных с принципами классификации лексики, являются: «семантическое поле», «лексико-семантическая группа», «тематическая группа», «ассоциативное поле», «функционально-семантический класс», «лексико-грамматический класс», «ономасиологический класс» и др.

Однако нередко в научных работах схожие по структуре группы слов могут получать разные наименования, а термины, стоящие в одном случае на разных уровнях иерархии (например, «лексико-семантическое поле» и «лексико-семантическая группа»), сводиться к одному уровню в другом. Такое многообразие терминов наряду с нерегулярностью в их употреблении связано с подвижностью словарного состава языка, его непрерывным изменением и развитием, что в свою очередь мотивирует размытость границ семантических групп: два значения многозначного слова могут входить в разные семантические поля, кроме того, одно слово может как выступать на периферии, так и являться ядерной лексемой поля, границы которого, как отмечал Л. А. Новиков, «могут варьироваться в зависимости от избранного принципа классификации»¹.

З. Д. Попова и И. А. Стернин последовательно объясняют большое количество похожих терминов открытым и сложным устройством лексической системы языка, которое «не позволяет имеющимися у нас сейчас

---

¹Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванов В. В. и др. СПб.; М.; Краснодар, 2003. С. 239.

техническими средствами представить модель этой системы, а дает возможность рассмотреть только ее отдельные фрагменты, которые пересекаются, переплетаются, переходят друг в друга»¹. Справедливым также представляется предположение Е. Б. Штукаревой о том, что «предпочтение, отдаваемое авторами той или иной терминологии, обусловлено стоящими перед ними задачами и характером описания лексического материала»², а также различной степенью отношения к действительности и зависимостью от экстралингвистических факторов.

В данной работе основными единицами описания выступают лексико-семантические группы глаголов, объединяющиеся в ЛСП. Термин «лексико-семантическое поле» мы понимаем, ориентируясь на Л. А. Новикова, как «относительно замкнутый ряд лексических единиц одной и той же части речи, объединенных общей семой, а именно архисемой более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема поля»³, а семантическое поле как «множество языковых единиц, объединенных общим (инвариантным) значением»⁴. Выбор мотивирован тем, что автором наиболее четко выявлено соотношение между терминами «лексико-семантическая группа» и «лексико-семантическое поле» (далее — ЛСП): ЛСГ входит в ЛСП как более мелкая единица, «микрополе», объединяя слова одной части речи, а различные ЛСП в свою очередь являются составными частями лексико-семантической системы в целом и включают в себя слова различных частей речи и словосочетания. Следует подчеркнуть, что на фоне многочисленных существующих определений выбранные отличаются наибольшей лаконичностью и обобщающим характером, что и обуславливает их предпочтительность.

---

¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984. С. 89.

² Штукарева Е. Б. О соотношении терминов лексико-семантическое поле — лексико-семантическая группа — тематическая группа в лингвистической литературе // Вопросы филологических наук. 2009. №4. С. 90.

³ Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванов В. В. и др. СПб.; М.; Краснодар, 2003. С. 239.

⁴ Там же. С. 238.

Совместное употребление именно этих двух понятий наблюдается в лингвистической литературе чаще всего, что объяснимо, так как данные термины являются максимально схожими по характеру отражения языковых реалий. Однако не всеми исследователями соблюдается разграничение терминов ЛСГ и ЛСП по принципу отношений между частным и общим.

Например, А. А. Уфимцева¹ ставит данные лексические группировки в один ряд, предполагая, что они являются частями более крупных парадигматических объединений. При этом термин «семантическое поле» приравнивается к термину «понятийное поле», в то время как в ряде других работ наблюдается их последовательное разграничение, а ЛСГ понимается наиболее широко: по мнению автора, «объективным языковым критерием ее выделения является наличие в тот или иной исторический период смысловых связей между словами по линии их лексических значений».² Подобного мнения придерживается и Л. М. Васильев, интерпретируя ЛСГ как «языковое поле»³, по его мнению, лексико-семантической группой можно называть любое семантическое объединение слов, имеющее «хотя бы одну общую парадигматическую сему»⁴.

Но все-таки наиболее утвердившейся и принятой большинством ученых представляется позиция различения ЛСГ и ЛСП по принципу родо-видовых отношений между ними. Принципы подобной дифференциации данных терминов наиболее последовательно были отражены О. М. Бураковой⁵. Опираясь на многочисленные труды ученых-лингвистов, автор выделяет главные отличия ЛСГ и ЛСП: отмечает их неодинаковый качественный состав, различный характер связи между их компонентами, разную степень четкости границ, а также подчеркивает тот факт, что «ЛСГ представляет собой

---

¹ Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М., 1962.

² Там же. С. 137.

³ Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 109.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Буракова О. М. Семантическое поле в кругу других групп лексики: сравнительный аспект // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2008. №4. С. 107—111.

объединение лексем, а СП — совокупность значений слов, связанных с тем или иным фрагментом действительности»¹.

Сочетание «лексико-семантическая группа» также часто употребляется рядом с сочетанием «тематическая группа» (далее — ТГ), что обусловлено большим сходством этих терминов, но сходством не абсолютным. Ф. П. Филин в статье «О лексико-семантических группах слов» объясняет их различие прежде всего разным характером связи между членами ЛСГ и ТГ: слова, входящие в ЛСГ, зависят друг от друга более сильно, изменение семантики одного слова всегда отражается на другом, тогда как в ТГ утрата какого-либо ее члена не является релевантной для ТГ в целом. Более того, по мнению автора, отношения между членами ТГ можно назвать внешними, классифицирующими окружающую человека материальную действительность и не зависящими от исторического развития языка, в то время как ЛСГ — это «внутреннее явление языка», «данное в самом языке объединение значений»². О. М. Буракова дополняет ряд различительных параметров этих терминов и говорит о неодинаковом количестве элементов и объеме «отображаемого объекта действительности»³ в ЛСГ и ТГ, а также подчеркивает отсутствие грамматической связи между компонентами ТГ и наличие ее в ЛСГ.

Что касается понятий «функционально-семантический класс» (далее — ФСК) и «ономасиологический класс», то эти термины имеют более узкую направленность и употребляются в работах специфического характера. По мнению И. А. Никандровой, ФСК может быть соотнесен скорее с лексико-семантическим полем, так как ЛСП, включает в себя семантически близкие единицы более мелкого порядка, а именно глаголы, изначально принадлежащие к разным ЛСГ, но объединенные в один ФСК на основе их

---

¹ Буракова О. М. Семантическое поле в кругу других групп лексики: сравнительный аспект // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2008. №4. С. 109.

² Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. Избранные труды. М., 2008. С. 234.

³ Буракова О. М. Семантическое поле в кругу других групп лексики: сравнительный аспект. Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2008. №4. С. 109.

семантического сближения в определенном контексте (чаще всего в художественном тексте). Как видим, автор в данном случае акцентирует сходство терминов не в количественном составе (тогда ФСК и ЛСГ существенно ближе), а в качественном (ФСК имеет более разнородную структуру, чем ЛСГ). Таким образом, основное различие между этими терминами в том, что «ФСК создается и реализуется именно на материале художественного текста»¹. Например, Л. Г. Бабенко и Э. В. Кузнецова исследуют ФСК глаголов чувств² и ФСК глаголов «приобщения объекта»³, тщательно анализируя контекст употребления каждого слова, который может модифицировать его первоначальное значение.

Термин «ономасиологический класс» более близок когнитивной лингвистике, внимание в данном случае акцентируется на соотносительности слова с внеязыковыми факторами. Как отмечает Е. С. Кубрякова⁴, «ономасиологический анализ должен ответить на вопрос о том, что называется данной лингвистической единицей и к какому референту в экстралингвистическом мире она отнесена»⁵.

Возвращаясь к термину «лексико-семантическая группа», можно сделать вывод о том, что он является универсальным и наиболее нейтральным для исследований системности в лексике, неслучайно этим понятием пользуется большинство исследователей (Э. В. Кузнецова, Г. В. Степанова, Н. А. Багдасарова, Ф. П. Филин, Л. А. Новиков, А. А. Уфимцева, А. И. Кузнецова, Н. М. Шанский и др.)⁶.

---

¹ Никандрова И. А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. №3. С. 23.

² Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначений эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

³ Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (К вопросу о природе лексико-семантических групп): автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1974.

⁴ Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 2008. С. 283.

⁵ Там же.

⁶ См. об этом: Багдасарова Н. А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963; Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989; Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982; Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 2007.

1.4. Изменение лексического состава языка. Семантические сдвиги внутри значения слова.

Языковая система переживает постоянное изменение: лексика как уровень языка, непосредственно отражающий реальность, представляет собой наиболее подвижный пласт в диахроническом рассмотрении. Лексико-семантическая группа — микропарадигма, часть ЛСП, внутри которой также происходят определенные семантические процессы, влияющие как на внутреннее соотношение ее членов, так и на ее место среди других ЛСП языка. Такими процессами могут быть заимствования, появление новых реалий и их обозначений, словообразовательная или семантическая деривация, развитие дополнительных значений у отдельных слов и как следствие их переход в другую ЛСГ и т. д. Важно подчеркнуть, что, хотя данная работа представляет собой исследование лексики на синхронном срезе, имеет существенное значение тот факт, что изучается именно древнее состояние языка, а значит, для наиболее адекватного понимания и точного анализа лексем необходимо осознание основных исторических процессов в лексической сфере.

Представляется важным отметить, что разные ЛСП характеризуются неодинаковой степенью подвижности в языке: набор ЛСГ, а также лексических единиц, входящих в них, может незначительно варьироваться и сохраняться веками, в то время как состав других активно изменяется. Например, Г. М. Васильева подробно рассматривает динамику ЛСГ наименований лиц по профессии¹ и характеризует ее как наиболее подвижную, очевидно отражающую внеязыковую действительность: названия профессий меняются, отражая закономерное развитие истории, и пассивный словарный состав языка таким образом пополняется очень быстро (так, историзмами и архаизмами становится значительное количество слов: *ямщик, ловчий, стремянной, богомаз, брадобрей* и т. д.). Однако так же стремительно увеличивается и активный словарный состав, который пополняется как

---

¹Васильева Г. М. Динамика лексико-семантической группы наименований лиц по профессии: лингвокультурологический и лингвометодический аспекты // Мир русского слова. 2013. №2. С. 91—95.

«ГОТОВЫМИ» заимствованиями (*дистрибьютор, фитодизайнер, букмекер* и т. д.), так и словами, возникшими по словообразовательным моделям русского языка с иноязычными элементами (*грузчик-экспедитор, электросталеплавщик*).

В то же время могут быть выделены ЛСГ, для которых внеязыковые изменения оказываются менее релевантными. Так, А. А. Уфимцева отмечает, что «группы терминов родства, обозначения цвета настолько закрыты и структурно четко организованы в силу относительного характера значений ее членов, что служат ныне классическим примером строгой структурной организации, а лексическая парадигма членов системы “родства” сравнивается с морфологической парадигмой»¹.

Следует подчеркнуть, что на качественное и количественное изменение ЛСП могут оказывать влияние и иные факторы. Так, В. Б. Крысько², анализируя группу глаголов со значением преодоления пространства, подчеркивает решающее влияние изменений внутри русского литературного языка на состав семантических объединений. Автор отмечает, что основной причиной увеличения количества трансгрессивных глаголов в древнерусский период является активное развитие жанра летописи, «а язык летописей, вбирая в себя лексическое и стилистическое богатство произведений других жанров, превращается в своего рода “средний стиль”, на который ориентируются, как на образец нецерковного, народно-литературного языка»³, что мотивирует дальнейшее употребление данных глаголов повсеместно, вне рамок конкретного жанра и приводит к значительному расширению анализируемой ЛСГ.

В противоположность литературному языку уровень семантических изменений внутри ЛСП и ЛСГ, содержащих диалектные лексемы, является

---

¹ Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка М., 1968. С. 173.

² Крысько В. Б. Глаголы со значением *transgredi* в истории русского языка: общая характеристика // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1989. С. 84—91.

³ Там же. С. 86.

менее прозрачным и поддающимся анализу. По мнению О. Д. Кузнецовой¹, лексико-семантические процессы в говорах развиваются интенсивнее, чем в литературном языке, а сама диалектная норма «характеризуется меньшей категоричностью и стабильностью»². Однако обнаружить изменения в подобных структурах довольно трудно, так как лексический состав диалектов известен не полностью, кроме того, большинство диалектных лексем не зафиксированы в исторических памятниках, что лишает возможности проследить исходные языковые данные и промежуточные семантические процессы. По мнению Кузнецовой, при изучении лексико-семантических изменений внутри диалектных слов, «приходится считаться с различными отклонениями, произвольностью и случайностью семантического развития»³.

Итак, состав ЛСГ в разной степени подвержен влиянию внутри- и внеязыковых факторов, но тем не менее подвижных групп в языке наблюдается больше, что свидетельствует о постоянном развитии словарного состава языка.

Исследование лексической системы в целом посредством рассмотрения отдельных ее отрезков, лексико-семантических полей и лексико-семантических групп, является наиболее удобным и продуктивным, что неоднократно отмечалось многими исследователями. Однако важно помнить, что рассмотрение любого ЛСП было бы неполным без учета семантических процессов, происходящих внутри отдельных членов его ЛСГ, так как изменение семантики отдельного слова и его взаимодействие с другими членами оказывает существенное влияние на характер развития ЛСП в целом. По словам А. И. Кузнецовой, «изучая конкретные семантические группы, можно установить, в чем состоит сходство семантических процессов, как

---

¹ Кузнецова О. Д. Лексико-семантические процессы в говорах // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С. 117—130.

² Там же. С. 117.

³ Там же. С. 119.

происходит взаимовлияние слов, каковы основные типы регулярных семантических изменений»¹.

Как видим, Кузнецова находит в изменении значений слов регулярный характер, проводя соответствия между семантическими сдвигами и находя определенные закономерности. Рассматривая в своей работе глаголы движения, автор делает вывод о том, что изменения внутри значения имеют цепной характер: лексико-семантический вариант² одного слова распространяется на другое, и последнее начинает функционировать в такой же роли, как и первое (например, лексико-семантический вариант глагола *минуть* — *миновать* «проходить, тянуться (о времени)» распространяет свое влияние сначала на глагол *идти*, который был связан с парой *минуть* — *миновать* другими общими вариантами, а затем и на глаголы *течь*, *бежать*).

Таким образом, в данном случае лексико-семантическая система глаголов движения имеет собственные закономерности и веками «втягивает» в себя дополнительные члены, расширяя свой состав.

Среди внутриязыковых факторов семантических изменений, по мнению Е. М. Марковой, можно также назвать «способность слова к варьированию в процессе речи, а также тенденцию к семантическому или стилистическому расподоблению синонимов»³. Кроме того, по мнению автора, нужно иметь в виду наличие в языке слов, похожих по звучанию, случайное сближение которых в народном сознании может породить изменение семантики лексемы: так, произошел семантический сдвиг в слове *роба*, которое было сближено в сознании носителя русского языка с сущ. *работа* («длинное нарядное платье» => «грубая рабочая одежда»).

Однако это не единственные закономерности в изменении значения слова: регулярный характер имеют и различные виды переносов. Так, Ю. И.

---

¹ Кузнецова А. И. Некоторые закономерности изменения значений слов // Русский язык в школе. 1960. №2. С. 22.

² Стоит отметить, что автор понимает под «лексико-семантическим вариантом» потенциальную способность слова сочетаться с определенным кругом других слов.

³ Маркова Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке. М., 2007. С. 126.

Гамаюнова¹ выделяет метафорические и метонимические переносы как основу для построения семантических моделей развития названий эмоций в истории русского языка, при этом подчеркивая, что метафора в данном случае более архаична, чем метонимия, так как именно в древние периоды, по мнению автора, «мышление человека можно охарактеризовать как синкретическое, когда объект и его свойства, “обозначаемое” и “обозначающее” осознаются как нерасчлененное единство»².

Для русского языка характерно смещение в иерархии значений полисемантического слова. Любопытна точка зрения Д. Н. Шмелева³, по мнению которого метонимические переносы стоит рассматривать не только в диахроническом плане, но также и в синхроническом — это позволяет шире взглянуть на характер переноса и понять, происходит ли сдвиг элементов значения. Автор полагает, что многие имена существительные в современном языке в конкретных контекстах просто «подчиняются общей закономерности»⁴, вписываются в «общую возможность метонимического их применения»⁵, поэтому говорить об изменении семантической структуры слова часто бывает нецелесообразным. Так, многие имена существительные могут приобретать определенное значение только в конкретном контексте, просто по аналогии с другими. Например, слова *поход*, *дорога* могут употребляться в количественно-временном значении только в определенных конструкциях («Он весь поход играл на гитаре»; «Она всю дорогу вспоминала о прошлом»), подчиняясь определенной «метонимической формуле», и в таком случае появления нового значения не происходит. Тогда, если посмотреть на метонимические переносы с этой точки зрения, становится ясно, что семантическая структура одного слова в разных словарях может

---

¹ Гамаюнова Ю. И. Историко-этимологическое исследование названий эмоций в русском языке XI—XVII вв. (семантический и лингвокультурологический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.

² Там же.

³ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2006. С. 221.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 222.

быть отражена по-разному, что создает затруднения в определении статуса слова как компонента ЛСГ.

Различные виды переносов мотивируют регулярные изменения значений слов от более абстрактных к конкретным и наоборот. Разные исследователи по-разному объясняют причины подобных изменений. Например, Р. А. Будагов сосредоточивается на функциональном аспекте, мотивируя семантические переносы сходством функций конкретных предметов, которые они называют: «решающее значение приобретает внутренняя смысловая близость между предметами и понятиями, их социальное назначение, их общественная функция»¹, в то время как психологические ассоциации по сходству и смежности уходят на второй план.

Следует отметить, что при анализе динамики семантической структуры слова важно учитывать не только изменение основного лексического значения, но и изменение его коннотативного элемента, так как подобный процесс также играет большую роль в развитии лексемы и ее принадлежности к определенному ЛСП. Так, по мнению А. Д. Васильева², «устаревание, переход слова в пассивный запас, может происходить не только из-за утраты способности называть реалию, но и потому, что в структуре значения слова ослабляются экспрессивно коннотативные элементы». Например, такие лексемы, как *содейственник*, *содельник*, теряют способность «передавать эмоциональную оценку с течением времени»³, выходят из употребления, оттесненные ловом *сотрудник*, которое смогло выразить нужное значение наиболее точно и строго. Подобный процесс, по мнению автора, происходит и в синонимичной паре *помогатель* — *помощник*.

Таким образом, ЛСП как элемент системы языка может быть охарактеризовано разной степенью подвижности в диахроническом плане, что в свою очередь зависит от семантического наполнения его компонентов. Изменения ЛСП с течением времени могут быть продиктованы различными

---

¹ Будагов Р. А. Слово и его значение. М., 2003. С. 33.

² Васильев А. Д. Динамика слова в истории русского языка. Красноярск, 1993.

³ Там же. С. 110.

процессами, происходящими внутри членов отдельных ЛСГ, семантической структуры конкретных слов: это могут быть как переносы значений, так и возникновение новых лексико-семантических вариантов слова, а также влияние экстралингвистических факторов (появление новых реалий и, как следствие, возникновение новых лексем либо заимствования).

Итак, изучение лексической системы языка с помощью анализа конкретного ЛСП и его компонентов, безусловно, является важным и результативным.

Глава 2. Состав и структура лексико-семантического поля «Смех» в древнерусском языке

Лексико-семантическое поле как объект исследования характеризуется в лексикологических работах с разных сторон, при этом, как было сказано в предыдущей главе, наблюдаются существенные отличия при рассмотрении ЛСП в современном языке и в языке конкретного исторического периода. Однако ряд параметров ЛСП носит обязательный и неизменный характер — это наличие в поле ядра и периферии, семантическая связь его элементов, неопределенность и размытость границ ЛСП.

Компонентом поля, как правило, является лексико-семантический вариант слова или, реже, лексема со всеми отдельными значениями. К имени ЛСП также обычно выдвигается ряд требований, основными среди которых являются отсутствие у выбранной лексемы многозначности, немаркированность слова по стилистическим признакам, семантическая прозрачность, которая «дает возможность видеть за ним состав всего поля»¹, и наибольшая частотность среди выбранной группы слов.

Именем рассматриваемого в данной работе поля является *смех*. Представляется, что эта лексема соответствует основным выделенным требованиям, кроме того, выбор обусловлен существующей традицией рассмотрения смеховой культуры Древней Руси как отдельного, в том числе языкового, феномена.

При выделении основных единиц ЛСП смеха в первую очередь мы будем опираться на исследования В. В. Колесова², который отмечал четкую семантическую дифференциацию глаголов смеха в древних текстах и в качестве основных лексем, означающих смех, выделял следующие глаголы: *глумитися, ругатися, поохритатися, смѣяться, грохотати, склабитися,*

---

¹ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 139.

² Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.

*улыснутися, скалится и лыбитися*¹. Кроме того, при построении ЛСП важно учитывать, что древнерусское смеховое начало как осуждаемое явление в ориентированных на христианское представление письменных памятниках Древней Руси всегда сопутствует каким-либо мирским развлечениям, чрезмерному веселью, разного рода народным играм, отождествляются в религиозном сознании с пережитками языческих верований. Следовательно, при формировании ЛСП смеха будут также привлечены лексемы, связанные с перечисленными сферами жизни.

Соответственно, архисемой поля, его формирующим семантическим признаком, может быть следующая: «характерные голосовые звуки и / или мимика субъекта, передающие особое эмоциональное состояние человека (радость, веселье, удовольствие)». При этом важно понимать, что наличие архисемы не исключает существования множества дифференциальных признаков, что и обуславливает деление поля на ядерную и периферийную части.

Следует еще раз подчеркнуть, что в данной работе объектом исследования является именно древнерусская лексика, то есть лексика, извлекаемая из текстов XI—XIV вв., так как в разножанровых произведениях этого времени семантика лексем носит наиболее широкий и обобщенный характер, смысл древнерусских слов является, по словам В. В. Колесова наиболее «синкретичным и емким»², что представляет большой интерес для рассмотрения лексики данного периода. Кроме того, представляется логичным, что именно с текстов XI—XIV вв. стоит начать рассмотрение лингвистической стороны смеховой культуры Древней Руси. Однако стоит отметить, что для центральных глаголов будет дан краткий обзор развития их значения и употребления также в старорусский период (XV—XVII в.), так как для глаголов в этот период может быть наиболее четко прослежена

---

¹ Стоит подчеркнуть, что в рамках данного исследования не будут рассмотрены лексемы *скалится* и *лыбитися*, так как примеры с этими глаголами не представлены в используемых источниках, а также не отражены в исторических словарях.

² Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 290.

историческая эволюция того или иного компонента в значении. Источником языкового материала послужили «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, так как это законченный словарь, который, по общему признанию, отражает достаточно полно именно лексику древнерусского периода.

Итак, из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского методом сплошной выборки на основе выделенного общего семантического компонента был отобран языковой материал и разделен на более мелкие объединения, лексико-семантические группы, в зависимости от частеречной принадлежности лексем и наличия между ними синонимических отношений. В результате были сформированы следующие ЛСГ¹:

1. Существительные:

1.1. Существительные-наименования смеха:

Грохоть, грохотание, смияние, смѣхъ, смѣховеселие;

1.2. Существительные — наименования улыбки:

Ослабление, осколобление / осколыбление; улыщание;

1.3. Существительные, называющие отношение к кому-, чему-л. с издевательством, насмешкой:

Насмисание, обругание, пересмѣхъ, поругание, посмѣхъ, посмѣяние, посмисание, похрита, похухнание, хухнание, ругъ;

1.4. Существительные — наименования лиц по поведению (смеющийся, вызывающий смех своими действиями, предающий кого-, что-либо насмешке):

Глумьникъ, глумьць, грохотатель, игръникъ, игръць, кария, москолудъ, поругатель, посмѣшьникъ, похритникъ, скоморохъ / скомрахъ, смѣхолобьць, смѣхословьць, смѣшьникъ, шутъ;

1.5. Существительные, обозначающие шутку:

Скрѣневание, скрѣнь, шега;

---

¹ Орфография лексем приводится в соответствии со словарем И. И. Срезневского.

1.6. Существительные — наименования веселого состояния / времяпрепровождения, часто сопровождаемого смехом:

Веселие, веселование, възигране, глумление, глумъ, игра, игране, игрище, игръ, москолудие, москолудъство, радование, радость;

1.7. Существительные со значением места игры:

Игралище, игрище, игрънище;

2. Глаголы:

2.1. Глаголы, обозначающие смех:

Грохотатися, засмъятися, расмъятися / росмеятися, смъятися, хрохотати;

2.2. Глаголы, обозначающие улыбку / усмешку:

Лыснутися, лыщатися, осклабитися, помордати, поосклабитися, поухнати, пролыснутися, склабитися, улыснутися, усклабитися, улыскатися;

2.3. Глаголы, обозначающие отношение к кому-, чему-л. с издевательством, насмешкой:

Въсмиятися, глумитися, играти, москолудити, наругати, насмъхатися, насмисатися, нахугнати, обругати, обруговати, пересмъхати, пересмъяти, пересмъятися, помродати, помъркати, поругати, поругатися, поруговати, посмисати, посмисатися / посмихатися, посмияватися, посмиятися, похритати, похритатися, поохритатися, ругатися, усмихатися, хритатися шегати;

2.4. Глаголы, со значением ‘вызывать веселье / радость / смех’:

Веселити, веселовати, възрадовати, глумити, обеселити, овеселяти, розсмъшити / розсмъшити;

2.5. Глаголы, обозначающие веселое состояние / времяпрепровождение, часто сопровождаемое смехом:

Веселитися, веселоватися, възыграти / возыграти, възыгратися, възрадоватися, глумитися, играти, мордати, обеселитися, повеселитися, поглумлятися, радоватися, порадоватися, склабитися;

3. Прилагательные:

3.1. Прилагательные:

Веселыи, весельныи, игральныи, игрливыи, ослабленыи, пересмѣшныи, посмѣшьныи, похухнивыи, радыи, радованыи, радованыи, радостьныи, скомрашескии, смѣхъливыи, смѣшьныи, смѣятельныи;

3.2. Прилагательные, характеризующие смех:

Лихои, непохвальныи, неудръжимыи, сладъкыи;

4. Наречия:

Весело, весельно, глумьствено, радостно, смѣшьно.

Следует отметить, что в состав ЛСП включались лексемы, максимально семантически близкие к архисеме, однако при этом очевидно, что любая классификация характеризуется высокой степенью условности и субъективности при выделении тех или иных групп, так как состав каждой из ЛСГ не является неизменным. Одни и те же лексемы могут быть включены в разные ЛСГ при наличии отдельных ЛСВ, соотносящихся с разными выделенными разрядами.

Для разграничения ядра и периферийной части ЛСП А. М. Кузнецовым¹ предложены следующие критерии:

1. Центральные слова достаточно просты по своему морфологическому составу;
2. Они обладают достаточно широкой сочетаемостью;
3. Центральные слова обладают большей психологической важностью для носителя языка;
4. Слова, представляющие собой недавние заимствования из других языков, скорее всего, не относятся к центральным;
5. Значение центрального термина не может быть уже какого-либо другого слова, кроме главного слова — темы для данного семантического поля.

---

¹ Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980. С. 77.

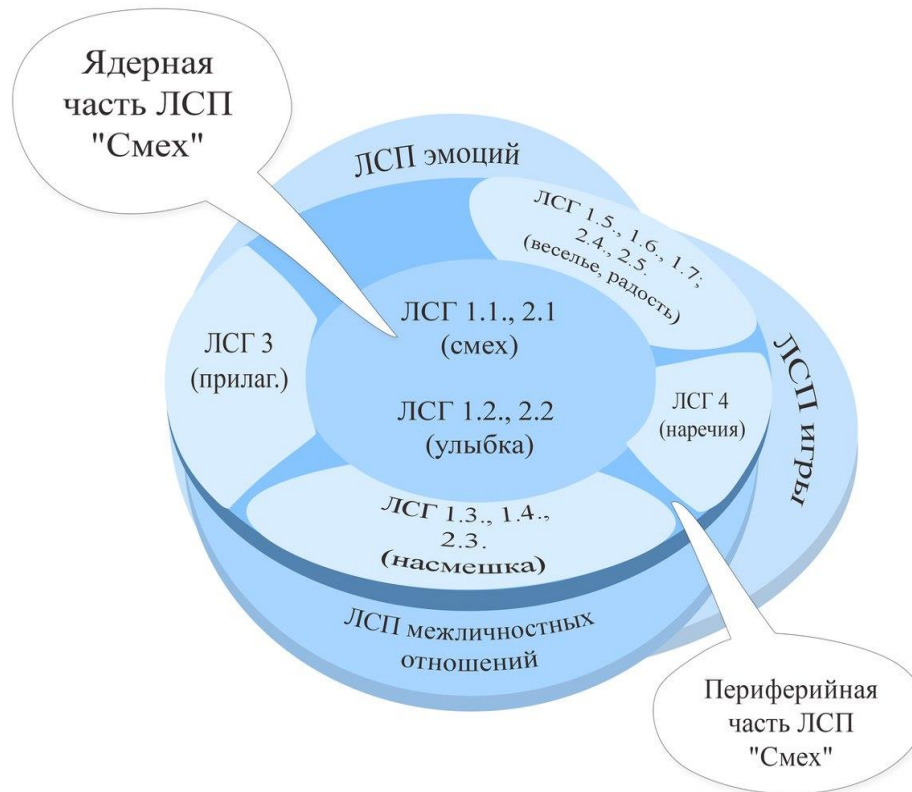
Лексемы, в которых выделяются наиболее существенные дифференциальные признаки, образуют центр поля, другие лексические единицы носят периферийный характер. Соответственно, представляется, что центром ЛСП смеха будут являться слова, обозначающие собственно смех / процесс смеха (ЛСГ 1.1., 2.1.: *грохоть, грохотание, смияние, смѣхъ, смѣховеселие, грохотатися, засмѣятися, расмѣятися / росмеятися, смѣятися, хрохотати*) и улыбку (ЛСГ 1.2., 2.2.: *осклабление, осколобление / осколыбление, поулыщание, лыснутися, лыщатися, осклабитися, помордати, поосклабитися, похухнати, пролыснутися, склабитися, улыснутися, усклабитися, улыскатися*), остальные же лексемы будут составлять периферию сформированного поля, находясь в разной степени отдаления от его центра. Кроме того, необходимо отметить, что, в силу размытости семантики составляющих его лексем, а также нечеткости внешних границ, сформированное ЛСП имеет ряд пересечений с рядом смежных ЛСП древнерусского языка: полем эмоций, игры, межличностных отношений, поведения и т. д.

ЛСП смеха в древнерусском языке можно представить в виде графической схемы¹:

---

¹ Которая, естественно, также отличается высокой степенью условности и абстракции.

Схема 1. ЛСП «Смех» в древнерусском языке

Думается, что для более ясного понимания и осознания специфики ЛСП в древнерусском языке необходимо затронуть не только область синтагматических и парадигматических отношений, но также рассмотреть и деривационные связи между единицами поля, способствующие взаимодействию между ЛСГ, а также пересечению этих ЛСГ с другими полями. Приведем ниже краткую характеристику словообразовательных гнезд¹ (в тех случаях, где их возможно составить) с этимологической характеристикой каждой лексем² и значением каждой лексем³.

1. *Смѣятися*

По мнению П. Я. Черных и М. Фасмера, восходит к о.-с. **smьjati sę > smijati sę* (ср. чеш. *smáti se*, словц. *smiat' sa*, польск. *śmiać się*, литш. *smiêt, smeju*), имеет и.-е. корень **(s)mei-*, который без начального *s* встречается в латинском

¹ См. рисунки в Приложении.

² Для лексем, не входящих в словообразовательные гнезда, этимологическая характеристика будет приведена в Главе 3.

³ Значение приводится по «Материалам» Срезневского. Даются только ЛСВ, входящие в ЛСП смеха.

и греческом языках, ср. соответственно: *mīrus* (и.-е. основа **meiro-*) ‘удивительный’ и *μειδάω* (с расширителем *-d-*) ‘улыбаюсь’, ‘усмехаюсь’.

Словообразовательное гнездо (далее — СГ) с вершиной — именем поля (см. Рис. 1) является самым объемным, включает 37 единиц, из которых большинство — глаголы, образованные с помощью префиксов. Данные глаголы в основном являются морфологическими дублетами¹ и свою очередь образуют семантически соотносительные существительные и прилагательные посредством суффиксации (в том числе нулевой): ср. *пересмѣхати* => *пересмѣшнии*, *пересмѣхъ*, *посмѣхатися* => *посмѣшнии*, *посмѣхъ* и т. п. Также следует отметить наличие в этом СГ сложных слов, которые характеризуются большей семантической насыщенностью, поскольку соответствуют нескольким равнозначным сочетаниям, ср.: *смѣховеселие*, *смѣхолоубьць*, *смѣхотворение*, *смѣхословьць* и т. д. Кроме того, следует подчеркнуть, что существенное количество лексем имеют отрицательный семантический компонент ‘насмешка’, что обуславливает их вхождение в периферийные ЛСГ. В целом высокая словообразовательная активность выделенных единиц говорит об их широком употреблении и значимости для древнерусского языка, что подтверждает принадлежность вершины этого СГ к ядру ЛСП.

2. Грохотъ

Глагол *грохотати*, по мнению Фасмера, образован от сущ. *грохотъ*, которое родственно д.-в.-н. *krahhôn* ‘трещать’ и др.-инд. *gárjati* ‘ревет, рычит, бушует’, в «Этимологическом словаре славянских языков» (далее — ЭССЯ) слово *грохотъ* в свою очередь считается производным от глагола **grochati* звукоподражательного происхождения. Черных образования с **groch* считает поздними и возникшими вследствие народной этимологизации (искусственного отвлечения корня **groch* от **grochotъ*, ср. *цокать* — *цокот*) и предполагает звукоподражательное происхождение слова *грохотъ* (как и

---

¹ Морфологические дублеты (варианты) мы понимаем вслед за О. С. Ахмановой как варианты слова, различающиеся словообразовательными и словоизменительными аффиксами при тождестве корня. См. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 144.

сущ. *хохот*) в результате контаминации на русской почве таких слов, как *хохот* / *гогот* со словами типа *гром* (о.-с. **gromь*). Как переходная ступень им выделяется глагол *хрохотати*, отмеченный Срезневским в Пандектах Никона Черногорца.

Однако не все исследователи соглашаются с предположением о звукоподражательном происхождении данной лексемы. Так, И. В. Васильева¹ сопоставляет ее с омонимом *грохоть* в значении ‘решето для протирания, просеивания’ и возводит их к одному и.-е. корню **gher* ‘тереть’ (к которому также относится слав. **groza*), предполагая исходным значением для мотивирующего глагола **grochati* процесс трения, обработки зерна и далее развитие обозначения «звука как сопровождающего эффекта»².

Стоит отметить, что СГ с вершиной *грохоть* (см. Рис. 2) в древнерусском языке является сравнительно небольшим с точки зрения количества входящих в него слов (7 лексем), но разнообразным с точки зрения их частеречной принадлежности (примерно равное количество именных и глагольных единиц). Важно подчеркнуть, что данные лексемы являются единственными экспрессивными синонимами к словам *смѣхъ*, *смѣяться* и т. д., обозначают действие без компонента насмешки. Кроме того, следует отметить что значение ‘шум’ выделяется только у сущ. *грохоть*³, а для остальных единиц зафиксированы лишь значения, связанные со смехом, поэтому можно предположить, что семантической доминантой в значении данных лексем в древнерусском языке был именно смех.

3. *Глумь*

---

¹ Васильева И. В. Грохот // Русская речь. 2013. №3. С. 123—127.

² Там же. С. 126.

³ Важно отметить, что в Словаре древнерусского языка XI—XIV вв. для глагола *грохотати* также дается значение ‘производить громкие звуки’ с иллюстрацией из Пчелы: «**грохотати** же гласомъ и въскыпати тѣломъ не кроткы души знаменье». Однако сочетанием *грохотати гласомъ* переведена греческая лексема *ἐγκαυχάζω* со значением ‘громко смеяться’, которая имеет звукоподражательное происхождение (редупликация междометия *kha kha*), как глаголы *хохотать* / *хихикать*, поэтому данный пример, скорее всего, не может служить иллюстрацией значения «шуметь» у этого глагола. См. Borowski Y. *Laughter in Ancient Greek Drama of the Classical Period. Tragedy and Satyr Play*: дис. ... канд. филол. наук. Łódź, 2015. С. 120.

По мнению Фасмера и Черных, о.-с. **glumъ* родственно др.-исл. *glaumr* ‘шумное веселье’, др.-исл. *gleyma* ‘быть веселым, мешкать, забывать’, далее — греч. *χλεύη* ‘шутка, насмешка’. Черных возводит о.-с. **glumъ* к и.-е. корню **ghleu / *ghlou*, который с другими расширителями представлен в о.-с. **gluxъ* и **glupъ*.

СГ с вершиной *глумъ* (см. Рис. 3) в древнерусском языке состоит из 8 лексических единиц, образованных в основном посредством суффиксации (на I и II ступени словообразования). Существительное с модифицирующими постфиксами уточняют значение исходного слова в аспекте персонализации и направленности действия, образование глаголов происходит с помощью суф. *-ся* с общевозвратным значением, что обуславливает вхождение лексем, составляющих это СГ, в разные ЛСГ.

4. *Ругати*

По мнению Черных, данная лексема восходит к о.-с. **rogati* (ср. укр. *поругатися* ‘насмехаться’, болг. *ругати се, ругам се* ‘насмехаться’, словен. *rógati se, rógam se* ‘высмеивать’, польск. *uragać* ‘насмехаться’, чеш. *rouhati* ‘богохульствовать’) и далее к и.-е. корню **uer-g-*, к которому также возводится о.-с. корень **vurg-* (ср. рус. *ввергнуть, отвергнуть, свергнуть*), назализованная форма — **ureng* ‘вертеть(ся)’, ‘поворачивать’, ‘сгибать’. Фасмер и Черных сравнивают эту лексему с ц.-слав. *рѣгнѣти* ‘зиять’, ‘разверзнуться’, где наблюдается другая ступень вокализма, которую Фасмер считает родственной др.-прусс. *rānctwei* ‘воровать’ и лат. *ringor, -ī, rīnctus sum* ‘разеваю рот, скалю зубы, сержусь’. Старшим значением для глагола *ругати* Черных предполагает ‘нагибаться’, ‘кривиться’, ‘дергаться’.

СГ с вершиной *ругати* (см. Рис. 4) состоит из 12 лексем, большинство из которых является глагольными дериватами. Продуктивными являются I и II ступени словообразования, однако стоит отметить, что большинство лексем, составляющих данное СГ — это лексические дубликаты, образованные с помощью различных префиксов, (ср.: *обругати, обругание* и *нарругати, нарругание*) и суффиксов: *ругъ => обругание*. Можно предположить, что

глаголы, образованные с помощью суфф. *-ся* означают большую степень интенсивности действия, а также содержат больше сем, связанных со смехом, ср.: *поругати* ‘подвергнуть поруганию’ => *поругатися* ‘насмеяться’.

5. *Улыскатися*

По поводу этимологии этого слова существует несколько мнений: так, Черных возводит глагол *улыскатися* к корню *-лоск-* (как в слове *лосниться*), по его мнению, *улыскатися* первоначально значило «сверкать, блестеть зубами». Фасмер не считает такую связь вероятной и считает, что глагол *улыскатися* образован от глагола *лыска́ть* в значении ‘лестить’, В. Махек считает *улыскатися* интенсивом от глагола *улыбаться*, образованным с помощью элемента *-ск*, а в «Этимологическом словаре славянских языков» данный глагол возводится к индоевропейскому корню **leu-* в значении ‘драть’ и для глаголов улыбки в целом предполагается устойчивая семантическая модель: переход от значения ‘колоть, раскалывать, раздирать’ к значению ‘улыбаться’.

СГ с вершиной *улыскатися* (см. Рис. 5) состоит из шести лексем, четыре из которых являются глаголами с идентичными значениями, различающимися только по признаку «длительность действия», где однократность действия выражается суфф. *-ну*, ср.: *лыщатися* ‘улыбаться’ => *лыснутиися* ‘улыбнуться’. Кроме того, с помощью суфф. *-ниј-* образуется именной дериват *улыщание* ‘улыбка’, который в свою очередь является мотивирующим для приставочного сущ. *поулыщание* с тем же значением. В целом стоит отметить словообразовательную пассивность данного СГ, что, скорее всего, может указывать на редкое употребление лексем с этим корнем.

6. *Склабитися*

Глагол *склабитися*, по мнению М. Фасмера и П. Я. Черных, восходит к общеславянскому корню **skelb / skolb* и родствен древнеисландскому *skelpra* в значении «гримаса», «трещина». Глаголы с этим корнем сохраняются в других славянских языках в значении ‘ухмыляться’ (ср. чеш. *šklebit se* и словц. *skl'abit'sa*). И. И. Срезневским отмечена форма и с полногласным корнем

(*оскобление / осколыбление*) в Хронике Георгия Амартола в списке XVI в. Фасмер также отмечает полногласный вариант данного глагола в украинском языке (*сколобити* в значении ‘мучить’).

СГ с вершиной *склабитися* (см. Рис. 6) также является небольшим, включает в себя семь лексем, четыре из которых являются глаголами, образованными посредством префиксации, которая обуславливает модификацию исходного значения по признакам «длительность действия» и «экспрессивность действия», ср.: *склабитися* ‘улыбаться’ => *осклабитися* ‘улыбнуться’ => *поосклабитися* ‘усмехнуться’. Стоит отметить, что глагол *осклабитися* является мотивирующим для большинства лексем этого СГ, что может указывать на его преимущественное употребление по сравнению с другими компонентами СГ. От этого глагола образуются два дублетных сущ. с суф. *-ениј-* со значением действия (*осклабление* и *оскобление*), а также прилагательное со значением характеристики субъекта действия (*осклабленыи*).

7. *Хритати*

Данное слово отмечалось исследователями как «любопытное»¹ или «непонятное»² с точки зрения его территориальной принадлежности. А. М. Молдован, анализируя лексический состав Жития Андрея Юродивого (по списку XIV в.), в котором часто употребляется этот глагол и однокоренные слова, относит его к древним восточнославянским регионализмам, которые не входят в поздние списки Жития и, по мнению автора, принадлежат языку переводчика³.

Что касается этимологии этой лексемы, Фасмер считает ее исконным славянским словом и, возможно, родственным д.-в.-н. *scrīan*, ср.-в.-н. *schriēn* ‘кричать’. По данным ЭССЯ, такое родство можно считать «в лучшем случае отдаленным»⁴, а глагол *хритатися* стоит возводить к более древнему

¹ Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885. С. 100.

² Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 813.

³ Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 91.

⁴ Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 98.

звукоподражательному глаголу **skritati* (ср. польск. *sgrzytać*) со значением ‘скрежетание, скрип’, сюда же в этом случае будут относиться лексемы **skripь*, **skripěti* с расширением корня. Подобную точку зрения принимает и В. А. Меркулова¹, которая предлагает рассматривать древнерусское слово *скрънь* ‘шутка’ как производное от глагола **skritati*. Хотя, по ее мнению, можно предположить и иной вариант: глагол *хрѣматися* и существительное *скрънь* являются родственными и восходят к и.-е. корню **(s)ker-* ‘резать’ с расширителем *-t-* (к этому же корню восходит глагол *щериться*), тогда модель развития значения у этих слов будет та же, что и у глаголов улыбки².

Очевидно, что компоненты СГ с вершиной *хрѣмати* (см. Рис. 7) не являлись распространенными в древнерусском языке, что обуславливает и ограниченное количество дериватов в этом гнезде: оно состоит из шести лексем, четыре из которых являются глаголами, образованными посредством префиксации и суффиксации без каких-либо видимых модификаций исходного значения, ср. лексемы со значением ‘насмехаться’: *хрѣмати* => *хрѣматися* => *похрѣматися*. Следует также отметить, что глагол *похрѣмати*, который практически не содержит сем, связанных со смехом, оказывается наиболее продуктивным (ср., например, образованные от него сущ. *похрѣма* и *похрѣтникъ*).

8. *Хухнати*

Фасмер сравнивает данную лексему со словен. *hohnjati* «гнусавить, нюхать» и предполагает ее звукоподражательное происхождение, отмечая широкое распространение в диалектах.

СГ с вершиной *хухнати*³ (см. Рис. 8) также является небольшим по количеству составляющих его единиц, однако разнообразным с точки зрения частеречной принадлежности лексем. Глаголы с модифицирующими префиксами семантически отличаются от мотивирующей лексемы,

---

¹ Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. II (*желуница, хмылить, хаут, шквора, скрень*) // Этимология 1982 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 39—47.

² См. п. 3.2.

³ Следует отметить, что данный глагол имеет значение ‘роптать’, а следовательно, не входит в ЛСП «Смех».

приобретают семы, связанные со смехом, ср.: *хухнати* ‘роптать’ => *похухнати* ‘усмехнуться’¹. Кроме того, следует также отметить наличие лексических дублетов в этом СГ, ср., например девербативы с суф. *-ниј-*: *хухнание* и *похухнание* со значением ‘насмешка’.

9. *Весельи*

По мнению Фасмера, родственно лтш. *vēsēls* ‘здоровый, целый, невредимый’, восходит к и.-е. **vesu-*, др.-инд. *vásu-* ‘хороший’. Черных отмечает неясное происхождение данной лексемы, неустойчивость сопоставлений по корню (**ves-*), а лтш. *vēsēls* и др.-прусс. *wessals* ‘веселый’ считает заимствованиями из славянских языков.

СГ с вершиной *весельи* (см. Рис. 8) является достаточно объемным с точки зрения количества составляющих его лексических единиц и отличается частеречной насыщенностью и разнообразием словообразовательных моделей. Данное СГ содержит три словообразовательные парадигмы, примерно равные по объему, состоящие в основном из глагольных единиц, которые образуются как посредством присоединения суф. *-ся* с общевозвратным значением (*веселити* => *веселитися* и т. п.), так и с помощью префиксов *по-*, *объ-*, указывающих на совершение действия в течение некоторого времени (*веселитися* => *повеселитися*) и т. п. Также стоит отметить, что дублетные именные девербативы образуются с помощью различных суффиксов (*-ј-*, *-ьств-*, *-ниј-*): *веселие*, *весельство*, *веселование*. В целом существенное количество единиц, входящих в это СГ, и их словообразовательная активность свидетельствуют о важности лексем с данным корнем для древнерусского языка.

10. *Радъ*

По мнению Черных, восходит к о.-с. **radъ*, которое не имеет родственных связей в других и.-е. языках, кроме некоторых языков германской группы.

---

¹ Однако стоит, конечно, подчеркнуть, что данные выводы сделаны лишь на основе словарных толкований. При подробном рассмотрении фрагментов, маркированных этими лексемами, они будут дополнены.

Предполагается родство с англос. *rót* ‘радостный, благородный’, др.-исл. *rótask* ‘проясняться, веселеть’, англос. *rótu* ж. ‘радость’.

СГ с вершиной *радыи* (см. Рис. 9) состоит из 11 лексем, большая часть из которых являются прилагательными и существительными, образованными с помощью различных суффиксов, ср.: *радостьныи* и *радованьныи*, *радость* и *радование* и т. д. Что касается глаголов, то они образуются как с помощью постфикса *-ся* с общевозвратным значением, так и посредством префиксации, ср.: *възрадовати* => *възрадоватися*, *радоватися* => *порадоватися* и т. п. Следует отметить, что при образовании новых лексем исходное значение модифицируется в минимальной степени, что подтверждается наличием большого количества дублетов.

11. *Игра*

В ЭССЯ отмечается, что семантическим наполнением праслав. **jьgra* был архаический комплекс значений ‘пение с пляской’, наиболее убедительной считается позиция А. А. Потебни, который предложил выделение *-r-* суффиксального и предполагал дальнейшее сближение с др.-инд. *yájati* ‘жертвует, почитает’, греч. *ἄζομαι* ‘боюсь, почитаю’, *ἄγος* ср. р. ‘священный трепет’, а также высказался о принадлежности к языческой сакральной сфере. Фасмер считает подобное сравнение неприемлемым и возводит праслав. **jьgra* к др.-инд. *éjati*, *íjati* ‘трогается, двигается’, др.-исл. *eikinn* ‘дикий, свирепый, сильный’. Такого же мнения придерживается Черных, выделяя в этом слове и.-е. корень **aig-* со значением ‘колебаться’.

СГ с вершиной *игра* (см. Рис. 10) так же, как и предыдущее рассмотренное гнездо, носит преимущественной именной характер. Большая часть СГ является субстантивами, образованными с помощью различных суффиксов, которые добавляют лексемам следующие словообразовательные значения: действие, процесс (*игрище*, *играние*), место действия (*игрالیще*, *игрънище*), субъект действия (*игръникъ*, *игръць*, *игрелюбрьць*), обладание каким-л. качеством (*игръливыи*), свойство, относящееся к действию (*игральныи*). Что касается глагольных единиц, то модифицирующий префикс *въз-* и постфикс *-*

ся добавляют мотивированным глаголам значение начала действия, ср.: *играти* ‘веселиться’ => *възиграти* ‘начать веселиться’ => *възигратися* ‘начать резвиться, веселиться’. Следует подчеркнуть, что данное СГ является вторым объемом после СГ с вершиной *смѣятися*, что, скорее всего, обусловлено важностью самого понятия, явления игры для древнерусского языка и культуры.

12. *Мордати*

Образовано от сущ. *морда*, которое, по мнению Фасмера заимствовано из ир. **mərəda-*, ср. авест. *ka-mərəda-* ‘голова’, родственно др.-инд. *mūrdhán-* ‘лоб, голова, вершина, верхушка’, англос. *molda* ‘голова’, греч. *βλωθρός* ‘высоко поднявшийся’.

Очевидно, что лексемы с данным корнем являются экспрессивными и, кроме того, редкими в древнерусских письменных текстах, что обуславливает словообразовательную пассивность единиц этого СГ: оно состоит из пяти лексем, одной словообразовательной парадигмы, относящейся к I ступени словообразования. Все лексемы этого СГ, за исключением вершины, представлены глаголами, три из которых являются дублетными, имеют значение ‘насмехаться’ и различаются только фонетическими вариантами корня, ср.: *помордати*, *помродати*, *помъркати*¹.

Итак, из приведенного языкового материала видно, что ЛСП смеха в древнерусском языке имеет ряд специфических особенностей, определяющих своеобразие системных отношений данных лексем. Среди них стоит отметить наличие большого количества параллельных форм, семантически тождественных друг другу: ср. *улыщание* и *поулыщание*, *веселитися* и *веселоватися*, *глумьникъ* и *глумьць*, *посмихатися* и *посмияватися* и т. д. Стоит подчеркнуть, что вариантность чаще всего обусловлена процессами префиксации и суффиксации, при этом в лексикографических источниках зафиксированы фонетические и орфографические варианты слов.

---

¹ Данный глагол также выделен Срезневским как фонетический вариант.

Кроме того, необходимо отметить диффузность и синкретизм значения слова в древнерусском языке, что затрудняет четкое различие отдельных ЛСВ слова и в сочетании с системной вариативностью приводит к функциональной дублетности. По словам А. А. Камаловой, «именно столкновение в одном контексте слов-синонимов затрудняет выявление семантических отношений между ними, поскольку не удастся с точностью установить, какое из значений актуализируется в конкретном речевом фрагменте»¹. Это обусловлено, по словам автора, традицией использования специального приема «нанизывания» эмотивных лексем, которое вело к нейтрализации дифференцирующих сем и унификации смыслового содержания членов однородного ряда.

Также стоит подчеркнуть, что большинство словообразовательных гнезд, включающих основные единицы ЛСП, отличается частеречной насыщенностью, однако большую часть пространства СГ занимает глагол, так как слова именно этой части речи являются носителями семантики процессуальности, динамичности, движения.

Что касается этимологии выделенных лексем, то нужно отметить, что практически все они являются исконно славянскими (за исключением лексемы *мордати*), только для двух слов (*грохоть* и *хухнати*) предполагается звукоподражательное происхождение. Следует также подчеркнуть, что этимология существенной доли лексических единиц остается дискуссионной (см. слова *грохоть*, *игра*, *скрънь*, *улыскатися*, *хритати* и др.). Для лексем со значением улыбки выделяется определенная модель развития семантики: переход от значения ‘щель’, ‘колоть, раздирать’ к значению ‘улыбаться’.

В целом нужно подчеркнуть, что существенное количество лексем, связанных со смехом и его проявлениями может говорить о высокой значимости этого семантического пласта для древнерусского языка.

---

¹ Камалова А. А. Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке. Архангельск, 1994. С. 103.

Глава 3. Семантика и функционирование единиц лексико-семантического поля «Смех» в древнерусском языке

По данным сплошной выборки из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (далее — «Материалы»), общее количество слов, составляющих ЛСП «Смех», насчитывает 148 лексических единиц. Однако, как уже было сказано выше, данное количество обусловлено наличием значительной доли морфологических вариантов, которые в основном и обеспечивают многообразие словоформ.

Представляется необходимым рассмотреть функционирование лексем, входящих в основные ЛСГ (ЛСГ существительных и глаголов, составляющих ядро поля), а также в некоторые периферийные ЛСГ (входящих в наиболее объемные словообразовательные гнезда), непосредственно в текстах XI—XIV вв. с учетом семантических и стилистических характеристик исследуемых лексем.

Основными источниками фактического материала послужили следующие электронные ресурсы:

1. Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН¹ (далее — БЛДР) ;
2. Рукописные памятники Древней Руси² (далее — Рукописные памятники);
3. Национальный корпус русского языка³ (далее — НКРЯ; исторический подкорпус).

При цитировании памятников далее будут использоваться указанные сокращения за исключением специально оговоренных случаев.

Цитаты из текстов будут приведены в упрощенной орфографии.

---

¹ Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Библиотека литературы Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения: 20. 04. 2018).

² Некоммерческое партнерство «Рукописные памятники Древней Руси». URL: <http://www.lrc-lib.ru/> (дата обращения: 20. 04. 2018).

³ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 20. 04. 2018).

Следует подчеркнуть, что состав лексем, полученный путем выборки из памятников, значительно беднее словарного списка по количеству номинативных единиц, в связи с чем для анализа также будет привлечен материал словарных статей «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (далее — СлДРЯ) и «Материалов» в тех случаях, когда иллюстративные контексты словарей достаточны. Стоит также отметить, что к анализу привлекаются в том числе данные поздних списков древнерусских произведений.

3.1. Лексико-семантическая группа существительных-наименований смеха

Данная ЛСГ является ядерной частью ЛСП смеха и состоит из пяти лексических единиц: *смѣхъ*, *смияние*, *смѣховеселие*, *грохоть*, *грохотание*.

Доминантой синонимического ряда является лексема — имя поля *смѣхъ*, концентрирующая в себе все базовые семантические компоненты, релевантные для единиц выделенного ЛСП, поэтому представляется логичным начать рассмотрение функционирования единиц данной ЛСГ в древнерусских текстах именно с этого слова.

Итак, существительное *смѣхъ* является самым частотным из выделенной ЛСГ как в оригинальных, так и в переводных текстах древнерусского периода. Следует отметить, что основная сфера употребления этой лексемы — тексты учительного характера, ср.:

1) Изборник 1076 г. (XI в., список XI в.)¹: «Укланяй ся многа **смѣха**, ослабляеть бо душу, ослабѣвъши же отъ законъныя узды удобѣ исхлаштять ся»; 2) Повесть об Акире Премудром (XI—XII в., список XV в.): «Сыну, егда будеши въ чади, то же приступивъ к нимъ не смѣйся: въ **смѣсъ** бо безумье исходить, а в безумьи сварь бываетъ...»; 3) Пчела (XIII в., список XIV

---

¹ Источником для всех приведенных в параграфе цитат послужили Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы и Национальный корпус русского языка.

в.): «Смѣхъ отгони и смѣху начальникъ не буди: мѣсто бо то пользѣко къ хулѣ» и т. п.

В подобных контекстах сущ. *смѣхъ* употребляется в качестве примера поведения, не соответствующего христианским нормам, осуждается как чрезмерное проявление эмоции, что в целом характерно для христианской морали, предполагающей аскетичный образ жизни (см. подробнее п. 1 первой главы). Важно подчеркнуть, что многие из таких отрывков представляют собой прямые или опосредованные цитаты из текстов Священного Писания, ср., например: Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Одѣяние мужа и смѣхъ зубовъ и стопы челоуѣка възвѣстятъ, яже о немъ» (НКРЯ) и Изборник 1076 г. (XI в. список XI в.): «И одѣние моужя, и смьяние¹ зубъ, и ступание челоуѣка възвѣститъ яже о немъ», где видим параллельное употребление слов *смѣхъ* и *смьяние*, которые также характеризуют поведение человека, однако являются нейтральными с точки зрения стилистической отнесенности. Кроме того, следует отметить, что в этих случаях лексемы стоят в сочетании с сущ. *зубъ* в род. п., что нетипично для этих слов и, скорее всего, мотивировано перечислением материальных, физических атрибутов человека.

Основной же массив фрагментов просто отражает некие идейно-смысловые константы, характерные для текстов Священного Писания, что обуславливает некоторые устоявшиеся, «формульные»² особенности употребления лексемы. Ср., например, вхождение в состав антонимических параллелей с существительным *плачь* или с лексемами с меньшей степенью проявления эмоции: Послание апостола Иакова (XIII в. список XIV в.): «Смѣхъ ваш въ плачь да обратится, и радость въ умиление»; Изборник 1076 г. (XI в. список XI в.): «Боголишивый же смѣхъмъ възнесеть гласъ свои, мужъ же мудръ одѣва осклабитъ ся», «Не скоро въ смѣхъ выпадати, соромяживу быти» и т. п.

---

¹ Следует отметить, что для отглагольного сущ. *смьяние* это единственный пример в используемых источниках.

² Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 136.

Как видим, с данной лексемой могут также образовываться глагольные сочетания со значением ‘смеяться’: *смѣхъмь възносити гласъ, въ смѣхъ въпадати*. В целом для сущ. *смѣхъ* характерным является употребление без зависимых слов, реже эта лексема встречается в определительных словосочетаниях: например, с прил¹. *непохвальными, неудръжимыми, сладькими*, также характеризующими смех с отрицательной стороны.

Что касается функционирования данного слова вне дидактических фрагментов, то можно отметить единичные случаи его употребления в своем основном значении в контекстах другой направленности: Житие Андрея Юродивого (XI в., список XIV в.): «Видяще же оны **смѣхъ** его, глаголаху: „Видите ли, како ся смѣеть с демономъ своимъ?“». Как правило, эта лексема все равно сохраняет негативные коннотации и является характеристикой поведения именно отрицательных персонажей. В остальных же случаях, в отрывках, не связанных с поучением, данная лексема в основном встречается в значении ‘насмешка’, ‘посмешище’, следовательно, принадлежит другой ЛСГ и относится уже к периферии поля.

Примеры употребления сложного сущ. *смѣховеселие* в просмотренных источниках отсутствуют. Так как в «Материалах» для данной лексеммы дается всего одна иллюстративная цитата, а в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» она уже не представлена, можно предположить, что данное слово является окказиональным образованием. Фрагмент, маркированный этой лексеммой, сходен по содержанию и стилистике с отрывками, характерными для употребления сущ. *смѣхъ*: Поучения Ефрема Сирина (XIV в. список XIV в.): Ли сребролюбьемъ и тщеславиемъ, ли **смѣховесельемъ** и гнуснымъ вольшвениемъ. Сущ. *смѣховеселие* входит в синонимический ряд осуждаемых качеств человека, и, возможно, сложение лексеммы *смѣхъ* с сущ. *веселие* в данном случае осуществляется для усиления экспрессии перечисления.

---

¹ Данные лексеммы были выделены нами в отдельную ЛСГ (см. ЛСГ 3.2.).

Лексемы *грохоть* и *грохотание* также не являются частотными в древнерусских текстах. Для данных лексем встретилось по два примера употребления:

1) Пандекты Антиоха (XI в., список XI в.): «Ты осклабился, а она **грохотъмь** въсмиялася»; 2) Златоструй (XII в., список XV в.): «Да не посмѣтъся пред тобою **грохотомъ**»; 3) Пандекты Никона Черногорца (XIV в., список XIV в.): «В тѣхъ мѣсто купля и бесѣды о суетныхъ и житиискихъ, к сему же и смѣхъ прилагающихъ, и **грохотанья**, корчъмьства, и пьянства время и мѣсто губяще», «И сия глаголю, не да смѣхъ отсѣку и великый смѣхъ и **грохотание** отсѣку и отмещу».

Как видим, с лексемой *грохоть* образуется глагольное сочетание *смѣяться грохотомъ*, где существительное выступает скорее в роли характеристики смеха по звуку или качеству (=‘громко смеяться’), а сущ. *грохотание* входит в синонимические ряды осуждаемых характеристик поведения человека. В целом для данных лексем характерно то же употребление, что и для сущ. *смѣхъ*.

Таким образом, рассмотрев функционирование единиц ядерной ЛСГ в древнерусских текстах, можно сделать следующие выводы: а) центральная ЛСГ является сравнительно небольшой по количеству составляющих ее единиц, а также не является разнообразной с точки зрения их семантики; б) лексема *смѣхъ* является самой частотной в древнерусских памятниках, в то время как для сущ. *смияние*, *смѣховеселие* фиксируются лишь единичные случаи употребления; в) сущ. *грохоть* и *грохотание* являются единственными экспрессивными синонимами для лексем *смѣхъ*, *смияние*, *смѣховеселие* и употребляются либо в составе глагольных сочетаний с глаголом *смѣяться*, либо в синонимическом ряду с сущ. *смѣхъ* для придания высказыванию более патетического характера; г) в целом все единицы данной ЛСГ имеют функциональную закрепленность: характерной сферой их употребления является учительная литература.

3.2. Лексико-семантическая группа существительных-наименований улыбки

В данную ЛСГ входят следующие лексемы: *осклабление, осколобление / осколыбление, улыщание*.

Как уже было отмечено выше, все компоненты этой ЛСГ являются лексическими дублетами, и, кроме того, следует отметить, что выделенные лексемы встречаются в древнерусских текстах достаточно редко.

Существительные *осклабление* и *осколобление / осколыбление* фиксируются в трех переводных памятниках¹: 1) Пандекты Никона Черногорца (XIV в., список XIV в.): «не обрящеться никдеже въ бжствнѣмъ писании, яко расмияся кто ихъ до **осклабления**, плачюща же паче и слезяще сего жития отидоша»; 2) Слово Григория Богослова (XIV в., список XIV в.): «и **осклабленье** многажды на похваленье баше»; 3) Хроника Георгия Амартола (XI в., список XV в.): «око не прелщаемое, **осколыбленье** разумно, паче же устрьмление и **осколоблению** несытости смѣха умъ дающи».

В первом примере сущ. *осклабление* обозначает минимальную степень проявления эмоции, выступает в качестве нежелательного для христианина поведения: недопустима даже улыбка как предполагаемая реакция на что-либо смешное. В этом же значении данная лексема употреблена и в третьем примере, однако в данном случае улыбка не осуждается, а наоборот приводится как более предпочтительное проявление эмоции. Во втором примере существительное, возможно, употреблено без каких-либо коннотаций как реакция на похвалу². Что касается синтаксических характеристик, стоит отметить, что более характерным для данной лексемы является одиночное употребление.

Существительное *улыщание* фиксируется один раз и только в одном переводном памятнике: Пчела (XIII в., список XIV в.): «Святого василья. По

---

¹ Приводятся иллюстративные цитаты из «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.».

² Однако стоит отметить, что данного контекста недостаточно для точной интерпретации, поэтому утверждение носит лишь предположительный характер.

улыщания свѣтъла лѣпо показати радость душевѣную и явити токмо яже писано срьдцю бо веселящюся» (НКРЯ). В данном отрывке сущ. *улыщание* приводится как наиболее подходящий способ проявления радости. Стоит отметить, что лексема употреблена в сочетании с прил. *свѣтълыми*, что усиливает антитезу «осуждаемое поведение—приемлемое поведение».

Итак, единицы ЛСГ существительных-наименований улыбки не являются частотными в древнерусском языке — предпочтение, как правило, отдается именно глаголу со значением улыбки (см. п. 3.9.), а не девербативам. Из приведенных примеров употреблений можно сделать вывод о том, что данные лексемы употребляются во фрагментах дидактической направленности при противопоставлении смеху как допустимое или даже желательное с точки зрения христианской морали проявление радости / веселья.

3.3. Лексико-семантическая группа существительных, называющих отношение к кому-, чему-л. с издевательством, насмешкой

Данную ЛСГ образуют следующие лексемы: *смѣхъ*, *насмисание*, *обругание*, *поругание*, *посмѣхъ*, *посмѣяние*, *посмисание*, *похрита*, *похухнание*, *хухнание*, *ругъ*.

Как правило, в исторических словарях для этих лексем приводятся два значения: ‘насмешка’ и ‘поругание, издевательство’¹. При этом следует отметить, что непосредственно в текстах данные значения лексем не разграничиваются четко: в большинстве случаев довольно сложно однозначно определить семантику слова как по причине синонимичности самих выделенных значений (‘насмешка, глумление’ и ‘поругание, издевательство’), различия между которыми сводятся к тонким смысловым оттенкам, так и вследствие диффузной семантики лексемы в древнерусских текстах: как

---

¹ Для ряда выделенных лексем данные значения не разграничиваются и приводятся как одно.

известно, «многозначность слова или ряд синонимов в современном нам восприятии в восприятии средневекового книжника могли быть иными»¹.

В связи с этим следует подчеркнуть ощутимую семантическую отдаленность всех значений лексем данной ЛСГ от собственно смеховых в современном смысле слова и их отнесенность именно к периферии ЛСП. Так, В. В. Колесов также выделял в этих словах семы, связанные со смехом², однако данные лексемы, по его мнению, входят в понятийное поле как крайность, оппозиция к радостному смеху и улыбке³.

Итак, из выделенного синонимического ряда лексем к ядру ЛСГ, скорее всего, следует отнести сущ. *поругание* и *посмѣхъ*, так как они являются самыми частотными в памятниках XI—XIV вв. и обладают достаточно широким семантическим спектром.

Так, у сущ. *поругание* может актуализироваться значение, близкое к собственно смеховому, связанное с насмешкой как процессом смеха над кем-л., ср.: Поучение Владимира Мономаха (XII в., список XIV в.)⁴: «Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромъ, ли с **поруганьемъ**, свое же узрю на твоём писаньи»; Житие Феодосия Печерского (XI в., список XIII в.): «И еще же и о худости ризьнѣи мнози от невѣглас, усмихающесе тому, ругахуться. Онъ же и о томъ не поскъръбѣ, нъ бѣ радуяся о **поругании** своемъ и о укоризнѣи и вельми веселяся, Бога о томъ прославляше».

В подобных контекстах объектом насмешки обычно является положительный персонаж, его поведение и значимые для него ценности, как правило, связанные именно с религиозными положениями, при этом насмешку герой принимает с терпением или даже с радостью. Для лексемы

---

¹ Колесов В. В. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1985. №2. С. 80.

² Следует подчеркнуть, что понятие «смех» автор понимает широко и обобщенно.

³ При этом самим автором также высказывается предположение о том, что лексемы, означающие злую насмешку, могли и не восприниматься как смех в собственном смысле слова, однако для его концепции наиболее значимы их этимологические образы: «щель» или «пасть», а также возвратность однокоренных глаголов: это всегда процесс, требующий обратной реакции.

⁴ Источником для всех приведенных цитат послужили Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы и Национальный корпус русского языка.

пору́гание характерно одиночное употребление, и также стоит отметить, что в большинстве случаев данное существительное в пределах предложения имеет антонимичную пару, которая может варьироваться по частеречному признаку: ср.: «с добромъ, ли с поруганьемъ, радуяся о поругании...и вельми веселяся».

Что касается значения ‘пору́гание, издевательство’, то оно реализуется значительно чаще и обычно связано именно с физическим воздействием отрицательных персонажей на атрибуты, относящиеся к религии или ценностной системе осуждаемого лица или на самих положительных героев, ср: Девгениево Деяние (XII в., список XVIII в.): «Братия же анггелскую пѣснь ко Богу возсылающе: „Владыко, не поддай создания своего в **пору́гание** поганымъ, да не возрадуютца погании, оскверня крестьянскую дѣвицу“»; Лаврентьевская летопись (XIV в., список XIV в.): «...и чрънорызыща, иереа, овыхъ огнемъ, а иныхъ мечемъ; **пору́гание** чръницамъ, и попадаямъ, и добрымъ женамъ, и дѣвицамъ предъ матери и сестрами». В этом же значении данное сущ. фиксируется Срезневским и с префиксом –*об*.

Лексема *посмѣхъ* встречается в основном во фрагментах дидактической направленности и употребляется в значении ‘злая насмешка’, стоит также отметить вхождение этого слова в синонимические пары с лексемами *поношение* и *хула*, ср.: Слово Кирилла Туровского о бельцах и монашестве (XII в., список XV в.): А послѣдняя нищеты житье — сирѣчь от бѣлоризецъ осуженье, досады и укоризны, хулы и **посмѣси**, опытаня»; Поучение Серапиона Владимирского (XIII в., список XIV в.): «...в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля наша, в **посмѣхъ** быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Господень!».

Сходным образом употребляется также лексема *смѣхъ* во втором значении: Житие Андрея Юродивого (XI в., список XIV в.): «Нъ немилостивъ чловѣкъ и лють на мнѣ ся еси явилъ, да умыслилъ еси створити мя **смѣху** въ второе пришествие всимъ святымъ дѣвамъ»; Повесть об Акире Премудром (XII в., список XV в.): «Чадо, лживъ чловѣкъ исперва възлюбленъ будетъ и

наконѣчь въ смѣсь будет и въ укоризнѣ бываетъ». *Посмѣхъ* и *смѣхъ* — это насмешка словесная, субъектом которой может выступать, как видно из приведенных примеров, как отрицательная, так и положительная сторона (то же относится и к объектам насмешки), поэтому можно предположить, что данные сущ. не имеют каких-либо ярко выраженных, закрепленных коннотаций.

Кроме того, стоит отметить, что в сходном значении Срезневский фиксирует также лексемы *ругъ* и *посмисание*: Пандекты Антиоха (XI в., список XI в.): Не въпадёмся въ лъсть и **ругъ** бѣсовьскъ; Хроника Георгия Амартола (XI в., список XIV в.): Многа **посмисания** и многа подражания и поругания.

Что касается лексем *похрита*, *похухнание*, *хухнание*, то следует подчеркнуть их очень узкую распространенность в древнерусских памятниках. Так, сущ. *похрита* фиксируется только в Житии Андрея Юродивого¹: «Показнь приимъ и **похриту** zde и онамо явися всѣмъ». При этом А. М. Молдован отмечает, что эта лексема, скорее всего, имеет мужской род, и значение данного сущ. (как и варианта *охритъ*) приближается в этом памятнике к значению ‘позор’².

Похухнание и *хухнание* также фиксируются всего в нескольких памятниках, однако стоит отметить, что в семантике этих лексем в большей степени актуализируется именно смеховой компонент, что подтверждается вхождением их в синонимические ряды с центральными словами рассматриваемой ЛСГ. Ср.: Изборник 1073 г. (XI в., список XI в.): «Поругание же образи дѣ: поругание, **похухнание**, поиграние, посмѣяние»; Лествица Иоанна Синайского (XIV в., список XIV в.): «Пии, яко медь и млеко, **хухнание** и наругание»³.

Таким образом, проанализировав употребление единиц данной ЛСГ, стоит подчеркнуть значимость и, как следствие, высокую распространенность лексем, обозначающих именно злой смех, насмешку. Нужно отметить, что и в

¹ Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 95.

² Частотно сочетание *охриту сътворити (явити)* ‘выставить на позор, осмеяние’.

³ Цитаты приводятся по «Материалам» Срезневского.

современном русском языке большую часть словообразовательного гнезда с вершиной *смех* составляют лексемы, связанные именно с насмешкой. По замечанию В. Я. Проппа, насмешливый смех — «неотъемлемый, если не самый существенный»¹, для русской смеховой культуры семантический пласт. Можно предположить, что для Древней Руси это релевантно в большей степени: через насмешку реализуется необходимая категория — категория оценки, эксплицируется набор значимых для древнерусского человека ценностей и моделей поведения.

3.4. Лексико-семантическая группа существительных-наименований лиц по поведению

Данная ЛСГ состоит из пятнадцати лексических единиц: *глумьникъ*, *глумьць*, *грохотатель*, *игрьникъ*, *игрьць*, *кария*, *москолудъ*, *поругатель*, *посмъшьникъ*, *похритникъ*, *скоморохъ*, *скомрахъ*, *смъхолобьць*, *смъхословьць*, *смъшьникъ*, *шуть*.

Выделенную ЛСГ в свою очередь можно разделить на три подгруппы:

- 1) ‘вызывающий смех своими действиями’: *глумьникъ*, *глумьць*, *игрьникъ*, *игрьць*, *кария*, *скоморохъ*, *скомрахъ*, *смъхословьць*, *шуть*;
- 2) ‘предающий кого-, что-л. насмешке’: *москолудъ*, *поругатель*, *посмъшьникъ*, *похритникъ*;
- 3) ‘смеющийся’: *грохотатель*, *смъхолобьць*, *смъшьникъ*.

Для лексем первой подгруппы наиболее характерно употребление в учительной литературе, однако нередко эти слова встречаются и в памятниках других жанров, при этом наиболее частотными словами как в оригинальных, так и в переводных текстах являются *скоморохъ*, *глумьць*, *игрьць*.

Сущ. *скоморохъ* Фасмером отмечается как трудное с точки зрения происхождения, предполагается сомнительный характер всех существующих

---

¹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. М., 1999. С. 30.

этимологических гипотез: из предл. *sko- и *морочить*, из греч. *σκώμμαρχος от *σκώμμα* ‘шутка, проделка’ или *σαμόρδακος* ‘фигляр, обманщик’, произведение из ит. *scaramuccia* ‘шут’, откуда франц. *scaramouche*, англ. *scaramouch* ‘хвастун, негодяй’.

Скоморох в древнерусских памятниках характеризуется как представитель «греховных развлечений» (песен, плясок, игр, обрядов и т. п.), соответственно это слово употребляется с негативными коннотациями: Повесть временных лет (XI в., список XVI в.): «Но сими дьяволъ льститъ и другими нравы, всякими льстими превабляетъ ны от Бога: трубами, **скомрахи**, и гуслими и русальями» (БЛДР); Изборник 1300 г. (XIII в., список XIII в.): «А иже дома сѣдиши, егда играютъ русалия, ли **скомороси**, ли пьяницѣ кличють или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тѣ час пребуди дома» («Материалы») и т. п. В подобных отрывках лексема, как правило, встраивается в ряд исчерпывающего перечисления запретных или нежелательных действий, употребляется без каких-либо распространителей, так как, скорее всего, изначально является семантически насыщенной.

В сходных контекстах и с тем же значением встречаются и сущ. *глумьць* и *игрьць*: Рязанская кормчая (XIII в., список XIII в.): «От зла житья въ скорѣ пришедъшаго на покаяние **игрьца** или **глумца** бывша или чиновника нѣкоего. не подобаетъ въ борзѣ поставляти епископа» (СлДРЯ); Житие Нифонта (XIII в., список XIII в.): «Бѣ (Василь) стрѣпѣтливъ и сквърнитель зль, съ скомрахи **игрьць** бестудный» («Материалы»). Данные лексемы чаще употребляются в составе синонимических пар или с определениями: *бестудный*, *лихои* и т. п., намного реже встречаются их эквиваленты с суф. *-ъникъ*. Стоит также отметить более широкое значение лексемы *игрьць*: она может означать как человека, специально предназначенного для этого действия (лицедей, скоморох), так и просто участника данных представлений или развлечений вообще.

Лексема *шуть*, для которой Фасмер предполагает родство с лит. *siaĩsti*, *siaučiu*, *siaučiaũ* ‘бушевать’, *siaũstis* ‘веселиться’, лтш. *šauļis* ‘дурак’, а Черных

предполагает и.-е. базу **seu-t-* (от **seu-* ‘кипеть, бурлить’), не была частотной в древнерусском языке. В используемых источниках фиксируется только один фрагмент, содержащий это слово: Изборник 1076 г. (XI в. список XI в.): «...и напослѣдѣкъ поругаетъ ти ся **шютомь**, узрить тя — и оставить тя и главою своею покываетъ на тя» (БЛДР). В данном отрывке обращает на себя употребление, отличное от других синонимичных лексем: шут — субъект, вызывающий смех не как человек в специальной роли, а как человек, не соответствующий предъявляемым требованиям (в приведенном фрагменте — бедный, не имеющий материальных благ).

Что касается лексем *кария* и *смѣхословьць* то следует подчеркнуть, что в используемых источниках они не фиксируются, а цитаты, приведенные в исторических словарях, недостаточны для однозначной интерпретации. Однако можно предположить, что их употребление было сходно с центральными лексемами первой подгруппы: 13 слов Григория Назианзина (XI в., список XI в.): «Гласы народньими и **карьями**, о нихъ же и еще нынѣ поминають»; Поучение Климонта Епископа (XII в., список XII в.): «Празднословьци, **смѣхословьци**» («Материалы»).

Итак, для лексем первой подгруппы характерно употребление в разножанровых литературных памятниках (преимущественно в отрывках дидактической направленности) с устойчивыми отрицательными коннотациями: тот, кто провоцирует смеховую реакцию, нарушает основные положения христианства и осуждается как связанный с язычеством человек либо предстает в роли отрицательного примера: человека, ведущего праздный образ жизни.

Из лексем второй подгруппы, в семантике которых также, как и у сущ. в п. 3.3., может отсутствовать смеховой компонент, три слова встречаются только в одном памятнике — Житии Андрея Юродивого. Следует подчеркнуть, что значение их сложно интерпретировать однозначно (‘оскорбитель’ или ‘насмешник’), ср.: «лукавыи блудниче, църковныи

поругателю, не ты ли творяся яко “въ църкви иду на заутренюю...”¹; «святыи же бѣаше ходя тудѣ. и нѣции **москолуди** начаша ему смѣяти»²; «надъшенино, мирьскый **похритниче**, отступи от мене»³ и т. д. Во всех подобных контекстах объектом поругания / насмешки является либо сам святой, либо религиозные атрибуты, и сущ., как правило находятся в составе определительных словосочетаний. Можно предположить, что сходное употребление характерно и для слова *посмѣшникъ*⁴: Пандекты Никона Черногорца (XII в., список XIII в.): «Съ вами **посмѣшники** се и насъ творить» («Материалы»). В целом для данных лексем релевантны все замечания, приведенные в п. 3.3.

Лексемы третьей подгруппы являются редкими в древнерусском языке, характерная сфера их употребления — учительная литература. Данные слова сходны по функционированию с лексемами первой подгруппы: Пандекты Никона Черногорца (XII в., список XIII в.): «Поне же и богоносивая отьца, и самого же въчеловѣчение господне, дързновения а полно сыи, и **смѣшники**, и **грохотателя** не видимъ бывша» («Материалы»); Пчела (XIII в. список XIV в.): «Недостойно **смѣхолобьцю** быти, ни рѣчи студомъ гнусити, али въскую измѣну приимеши»; «блудникъ есть и **смѣшникъ** безумныи» (БЛДР). Во всех фрагментах данные лексем употреблены с негативными коннотациями: беспричинный смех, хохот осуждается как ненадлежащее для христианина поведение. Для данных слов, как и для лексем первой подгруппы, характерным является вхождение в состав синонимичных пар или рядов перечисления недопустимых действий.

В целом, как видим, три рассмотренных группы лексем по-разному связаны со смехом: это либо человек, провоцирующий смеховую реакцию смотрящего / участвующего (при необязательном смехе самого субъекта), либо персонаж, смеющийся злым, насмешливым смехом, часто граничащим с издевательством и поэтому не вызывающий смеха у других, и, наконец,

---

¹ Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 242.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 290.

⁴ Однако стоит учитывать, что словарный контекст ограничен.

человек, участвующий в процессе, смеющийся сам. Следует подчеркнуть, что отрицательный компонент сопровождает употребление всех рассмотренных лексем, однако у слов второй подгруппы он изначально присутствует в семантике, так как, по словам, А. А. Белкина «на игрищах человек становился свободным, становился самим собой, забывал и царя и бога»¹, что обуславливало непримиримость русской церкви к скоморохам; а у существительных первой и третьей подгрупп этот компонент реализуется лишь в контексте, является коннотацией.

3.5. Лексико-семантическая группа существительных, обозначающих шутку

Данная ЛСГ состоит из следующих лексем: *скръневание, скрънь, шега*.

Сущ. *скрънь* и *скръневание*, происхождение которых считается неясным², фиксируются только в Пандектах Антиоха (XI в., список XI в.): «Скръня, юродословье, смѣхъ»; «Ничто же бо тако просмраждает добрыя дѣтели, яко же **скръневание** и игране и праздновеселие» («Материалы»). Срезневский приводит для этих слов единственное значение — ‘шутка’, однако нужно подчеркнуть, что данные лексемы переводят здесь греческое сущ. *εὐτράπελία*, имеющее два значения: ‘остроумие, шутливость’ и ‘балагурство, шутовство’. Если принять во внимание жанр памятника (сборник поучений), общую стилистическую направленность текста и лексическое окружение данных слов (синонимические ряды с лексемами, обозначающими смех или праздное времяпрепровождение), то можно предположить, что эти сущ. употреблены в данном случае именно во втором значении. В таком случае их причисление к выделенной ЛСГ представляется сомнительным, и, вероятно, данные лексические единицы наиболее логично отнести к ЛСГ 1.6.

¹ Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 80.

² Фасмер отмечает, что эти лексемы встречаются только в русск.-цслав. См. также слова *хритати*.

Подобная ситуация наблюдается и у сущ. *шега*, которое, по словам Фасмера, встречается только в древнерусском языке. Для данной лексемы Срезневским также приводится значение ‘шутка’, однако в иллюстративной цитате эта лексема входит в сочетание *шегы деяти* со значением ‘насмехаться’ и переводит греческий эквивалент *χλευάζοντες* ‘насмешки’: Поучения Ефрема Сирина (XIV в., список XIV в.): «Святыя книги слышаще, смѣяхомся, **шегы** деючи чтущимъ я» («Материалы»). Следовательно, это слово в свою очередь скорее относится к ЛСГ 1.3., что подтверждается и типичным для сущ. со значением ‘насмешка’ употреблением.

Итак, выделение данной ЛСГ может быть осуществлено лишь на основе словарных толкований, однако оказывается нецелесообразным при детальном рассмотрении фрагментов древнерусских памятников, маркированных лексемами этой ЛСГ.

3.6. Лексико-семантическая группа существительных-наименований веселого состояния, времяпрепровождения

Следующая ЛСГ представлена такими лексемами: *веселие, веселование, възиграние, глумление, глумъ, игра, играние, игрище, игръ, москолудие, москолудство, радование, радость*.

Все сущ. данной группы обозначают особый род народных развлечений, связанных, как правило, с языческими верованиями и поэтому осуждаемых с позиции христианизированной культуры. Вследствие этого, как уже было сказано выше, в древнерусских текстах в большинстве случаев подобные лексемы имеют устойчивые отрицательные коннотации.

Однако стоит подчеркнуть, что лексемы *веселие* и *радость* (и однокоренные) имеют основное значение внутреннего эмоционального состояния, связанного с положительной мотивацией человека. Данные слова, как известно, часто употребляются в составе синонимической пары, по-разному трактуемой исследователями: так, В. В. Колесов называет подобные сочетания формулами и предполагает их народно-поэтическое

происхождение¹, в то время как Д. В. Дмитриев предлагает считать эти слова лексическими дублетами и учитывать, говоря об их происхождении, библейскую традицию «как один из преимущественных источников влияния на становление литературной нормы»². Так или иначе, данная пара слов проходит через большинство памятников XI—XIV вв., находясь в большинстве случаев в контекстах, непосредственно связанных с религиозной тематикой или при проведении соответствующих параллелей:

Память и похвала князю русскому Владимиру (XI в., список XV в.): «И бысть князь Володимеръ аки уста Божиа и человеки изъ лести диаволя къ Богу приведе. О, колика **радость и веселие** бысть на земли!»; Книга Еноха (XII в., список XVI в.): «...наступаючи покланяху ся Господеви, и паки отхожаху, и идяху на мѣста своя в **радости и во веселии**, во свѣтѣ безмѣрнѣ»; Слова и поучения Серапиона Владимирского (XIII в., список XIV в.): «...исходь мирень подасть намъ на ону жизнь, идеже **радости и веселья** бесконечнаго насладимся з добрѣ оугожьшими Богу»³ и т. п. Как видим, лексемы в подобных фрагментах (как в составе пары, так и при одиночном употреблении) имеют положительную окраску, служат для придания эмоционально возвышенной тональности тексту, что в целом не характерно для компонентов ЛСП «Смех», поэтому данные слова в приведенных значениях стоит относить именно к дальней периферии поля.

Что касается значений, связанных с веселым времяпрепровождением, то следует подчеркнуть, что оно реализуется только у лексемы *веселие*, ср.: Повесть об Акире Премудром (XI—XII в., список XV в.): «И прииде сынъ мой Анаданъ в дом мой и не прият сѣтования, отинудь ничтоже ни помышляше о смерти моей, но паче собра игрѣца и гудца в дом мой, и начя творити пиры великыя с **веселиемъ**»; Повесть о Варлааме и Иоасафе (XI в., список XVI в.):

---

¹ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 56.

² Дмитриев Д. В. Синонимические дублеты библейского происхождения в древнерусской письменности // Динамика русского слова: межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В. В. Колесова. СПб., 1994. С. 49.

³ Источником для всех приведенных в параграфе цитат послужила Электронная библиотека Древней Руси, за исключением специально оговоренных случаев.

«Мужю же чашю приимъшу сладкою пѣснь поющи, **веселие** ему творяше, пляшющи и мужевѣ похвалами хвалящи».

Лексемы *игра*, *играние* и *игрь* обозначают процесс игры в широком смысле слова: это может быть игра как праздное времяпрепровождение, в котором, как правило, не участвует положительный персонаж:

Житие Авраамия Смоленского (XIII в., список XVII в.): «Не бо унывааше яко и прочая дѣти но скорымъ прилежаниемъ извыче к сему же на **игры** съ инѣми не исхожааше но на божественое и на церковное пѣние»

или игра (в т. ч. на музыкальных инструментах), сопровождающая народные празднества и обряды: Пандекты Никона Черногорца (XII в., список XIII в.): «Песни бѣсовскыя, и гусли, и ликы, и ины различныя **игры**» («Материалы»), Новгородская кормчая (XIII в., список XIII в.): обѣдати же не възбранно кромѣ нацинания **играния** и бѣсовскаго пѣнья и блуднаго глумления» (СлДРЯ).

Что касается сущ. *игрище*, то оно обозначает в основном именно языческие представления: Повесть временных лет (XI в., список XV в.): «Видимъ бо **игрища** утолочена, и людей множество на нихъ, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла».

Наиболее близкими по значению этой лексеме являются слова *глумъ* и *глумление*, которые употребляются при описании лицедейств, представлений скоморохов, при этом сущ. *глумъ* входит в состав глагольного сочетания *глумы дѣяти*: Рязанская кормчая (XIII в., список XIII в.): «но преже да не внидутъ **глумы дѣющии** и плащющей отътуду отъходити домовъ»; «кормяще и храняще медвѣди или ина некая животная на **глумление** и на прельщение простѣишихъ чловѣкъ» (СлДРЯ).

Наконец, редкие лексемы *москолудие* и *москолудство* служат для общего обозначения греховного поведения, находятся в характерной позиции — при перечислении нежелательных действий: «яже играми и смѣхы. и

москолудиемь. и пьянством»¹, «москолудьство вамъ братие нелѣпо имѣти. ни мльвити срамна слова. ни гнѣва на всякъ день имѣти»².

Таким образом, проведенный анализ показывает, что данная ЛСГ, несомненно, относится к периферии ЛСП «Смех», однако функционально рассмотренные лексемы являются одними из самых существенных: именно в них актуализируется важнейший семантический экспликатор смеха — игра³, которая, по словам Козинцева⁴, с древних времен одновременно порождает смех и наделяет его каким-либо смыслом.

В целом же следует подчеркнуть, что состав рассмотренных ЛСГ существительных в древнерусском языке достаточно разнообразен с точки зрения качественного состава, а характерной сферой употребления выделенных лексем были, как правило, тексты или фрагменты дидактической направленности.

3.7. Лексико-семантическая группа глаголов смеха

Данная ЛСГ относится к ядру рассматриваемого ЛСП и содержит следующие лексические единицы: *грохотатися, засмѣятися, расмѣятися / росмеятися, смѣятися, хрохотати*.

Как видим, в центре группы находятся два глагола: *смѣятися* и *грохотатися*, при этом глагол *смѣятися* является доминантой синонимического ряда, встречается наиболее часто в памятниках XI—XIV вв. в различных контекстах, из которых наиболее типичными являются следующие:

- 1) Описание реакции действующего лица на что-л.:

---

¹ Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 317.

² Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель / Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. М., 2016. С. 163.

³ В самом широком смысле слова.

⁴ Козинцев А. Г. Антропология смеха: на пути к синтезу // Докса. 2008. №13. С. 63.

Например, отрывок из Повести временных лет (XI в., список XV в.)¹, в котором описывается недоверчивая реакция Олега на предсказание волхвов: «И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ, и слѣзь с коня, **посмѣяся**, ркя: “От сего ли лѣба смерть мнѣ взяти?”»; из Жития Марии Египетской (X в., список XVI в.), где юноша радостно смеется в ответ на бесстыдные слова молодой девушки : «Тоть же убо уноша, бестудие моих словес слышавъ, **рассмѣявся**, отиде». Стоит также отметить, что префиксальные образования от этого глагола употребляются только в подобных фрагментах, при описании реакции персонажа.

2) Поучительные фрагменты, содержащие осуждение смеха:

Например, эпизод из Поучения Владимира Мономаха (XII в., список XIV в.), в котором чрезмерный смех осуждается как нежелательное поведение: «...не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило **смѣяться**, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти...»; ср. также Повесть об Акире Премудром (XI—XII в., список XV в.): «Сыну, егда будеши въ чади, то же приступивъ к нимъ не **смѣйся**: въ смѣсѣ бо безумье исходить».

Лексема *смѣяться* и образованные от нее приставочные глаголы встречаются в подобных фрагментах приблизительно с одинаковой частотой, и такое употребление равномерно распределено среди переводных и собственно древнерусских текстов. Что касается синтаксических и морфологических характеристик, то для данного глагола характерным является абсолютное употребление либо сочетание с дат. п., также стоит отметить, что эта лексема в основном употребляется без каких-либо зависимых слов, кроме того, фиксируется употребление этого глагола без постфикса *-ся*.

В памятниках старорусского периода наблюдается гораздо большее количество употреблений глагола *смѣяться* в значении ‘насмехаться’, ср.:

---

¹ Источником для всех приведенных цитат послужили Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы и Национальный корпус русского языка.

Александрия (XV в., список XVII в.): «Куманом же обоим рѣчемь их **посмѣяшася** и сего отпустивше ко Александру, отказаше сице...»; Житие Макария Желтоводского и Унжеского (XVI в., список XVIII в.): «Да некако похулится от поганых чудотворения твоя, яко да и не **посмѣются** погании христианом...» и т. п. По сравнению с древнерусским периодом количество фрагментов, описывающих реакцию лица на что-л., уменьшается, такие эпизоды содержатся преимущественно в повестях XVII в.: Повесть о Горе-Злочастии (XVII в., список XVII в.): «Бес же, **расмеявся**, рече ему: «Почто убо искушаеши мя?»».

Экспрессивным синонимом лексики *смѣяться* является глагол *грохотатися*. Следует подчеркнуть, что в используемых источниках он встречается крайне редко: в древнерусский период данный глагол отражен в пяти переводных памятниках, и все фрагменты, маркированные этой лексемой, имеют дидактическую направленность. Ср., например:

1) Изборник 1073 г. (XI в., список XI в.): «Дияволь видить тя **гроштюштася** лихо и глумяштася»; 2) Изборник 1076 г. (XI в., список XI в.): «егда тя видить гневающтася или кличюштя... или величающтася и презорлива или **грохочюштася** и лихо глумяштася»; 3) Пандекты Никона Черногорца (XII в., список XIII в.): «Горе смѣющимся, рече Христось, смѣющимся бещиньно и **хрохощющимь** и посмисающимся и без страха Божия живуще»; 4) Пчела (XIII в., список XIV в.): «**грохотати** же гласомь и въскыпати тѣлом не кроткы души знаменье, и свѣдительствоеть преоудрыи солломонь»; 5) Поучения Ефрема Сирина (XIV в., список XIV в.): «На плачь звал тя есть и на рыдание, а ты **грохощешися** и смѣеши».

Все приведенные отрывки имеют дидактическую направленность, и глагол *грохотатися* используется в качестве примера осуждаемого образа жизни, не отвечающего христианским нормам. Следует отметить, что лексема во всех случаях стоит в синонимических рядах с глаголами смеха либо с другими сочетаниями, описывающими поведение. В 1 и 2 случае видим одну и ту же цитату, где лексема употреблена в сочетании с наречием *лихо*, в 4

примере глагол употреблен без постфикса и находится в сочетании с тв. п. в значении орудия действия, что является нетипичным употреблением для глагола со значением смеха, так как данная характеристика изначально входит в семантику лексемы.

В старорусский период глагол *грохотати(ся)* представлен в трех непереводных памятниках:

1) Стоглав (XVI в., список XVII в.): «Правило 61 и 62 святаго шестаго събора святых отецъ возбраняеть к волхвомъ ходити и запрещаетъ православнымъ христианомъ поганскихъ и еллинскихъ скверныхъ обычаевъ и игръ, и плесания, и плескания, и над делвами, сирѣчь над бочками, и над корчагами квась призывающе и **грохочюще**, и прочихъ неподобныхъ дѣлъ творити»; 2) Слово митрополита Даниила (XVI в., список XVI в.): «Баснословиши, притчи смѣхотворныя приводиши, **грохощеши**, смеѣшися»; 3) Неизд. соч. Вассиана Патрикеева (XVI в., список XVII в.): «На плачъ званъ еси и на рыдание — а ты **грохощешися**, на любовь звалъ ты есть — ты прекословуеши».

Как и в древнерусский период, глагол употреблен в отрывках учительного характера, кроме того, последний пример представляет собой цитату из более древнего текста. Все приведенные фрагменты также преследуют цели духовной и практической морали, осуждают громкий смех как неподобающее христианину поведение, лексема также употреблена в составе синонимических рядов, но без каких-либо зависимых слов.

В целом, при сравнении с употреблением однокоренных данным глаголам существительных, можно сделать вывод, что в древнерусских текстах превалирует употребление именно глагольных единиц (что подтверждается также наличием устойчивых глагольных сочетаний с соответствующими сущ.). Кроме того, стоит отметить, что лексема *смѣятися* не имеет, в отличие от сущ. *смѣхъ*, строгой функциональной закреплённости и обладает более широким семантическим спектром.

3.8. Лексико-семантическая группа глаголов улыбки

Данная ЛСГ содержит следующие глаголы: *лыснутися, лыщатися, осклабитися, помордати, поосклабитися, похухнати, пролыснутися, склабитися, улыснутися, улыскатися*;

Центральными словами этой группы являются глаголы *улыснутися* и *осклабитися*, хотя и для данных лексем находится довольно ограниченное количество контекстов в исследуемых источниках.

Глагол *осклабитися* и однокоренные ему глаголы встречаются в основном в непереводах памятниках и, как правило, употребляются во фрагментах, связанных с христианской тематикой (агиографический жанр, поучительные высказывания)¹: Житие Феодосия Печерского (XI в., список XV в.): «То же услышавъ богодъхновеный отъць нашъ Феодосий, **осклабивься лицьмь** и мало просльзивься глаголетъ тому...»; Изборник 1076 года (XI в., список XI в.): «Боголишивый же смѣхъмь възнесетъ гласъ свои, мужъ же мудръ одьва **осклабитъ ся**»; Пандекты Никона Черногорца (XIV в., список XIV в.): Нѣсть видѣти смьявшася никако же, ни **склаблящася** малы»; Житие Василия Нового (XIV в., список XIV в.): «И узрѣвше убо мя въ руцѣ носящих мя честныхъ аггель Господнихъ, идуще спутьшествоваху, **осклабляющесе** и веселящесе играаху, радующесе о мнѣ, якоже, рече...».

Следует подчеркнуть, что этот глагол употребляется в основном с положительными коннотациями: улыбка сопровождает некое священное и вызывающее трепет событие либо входит в состав противопоставления двух действий по признакам «стихийность-сдержанность». Данная лексема чаще употребляется в сочетании с сущ. в тв. падеже или с зависимыми обстоятельствами со значением меры (*одьва, мало, с цѣломудрием*).

В старорусский период данный глагол также встречается в непереводах памятниках в подобном употреблении, ср., например: Житие Зосимы и Савватия Соловецких (XVI в., список XVI в.): «Абие же отрок нача веселѣти

---

¹ Источником для всех приведенных цитат послужили Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы и Национальный корпус русского языка.

и свѣтло **склабитися**, потомъ же сам нача креститися». Однако выделяются нетипичные для данной лексемы фрагменты, описывающие злых жен: Слово «о злых женах» (XV в., список XV в.): «Что есть жена? Сѣть утворена, прелщаючи человеки въ сластех: свѣтлымъ убо лицом и высокыма очима намизаючи, ланитома **склабящися**, языкомъ поючи, словесы чарюючи...»; Беседа отца с сыном о женской злобе (XVII в., список XVII в.): «Таковая жена мужу своему во стретение изыдет, ланитами **склабящися** и нравом уничижающися, и за руце мужа принимающе...». Частотное в Древней Руси описание злой жены здесь включает лексему улыбки как компонент негативной характеристики, признак сладострастия, и, таким образом, причастие от глагола *склабитися* наделяется отрицательной коннотацией. Возможно, семантика лексемы *склабитися* в подобных контекстах близка современному глаголу *ухмыляться*.

Говоря о глаголе *улыснутися*, можно отметить, что он встречается в основном в переводных памятниках в своем прямом значении, чаще употребляется при описании реакции значимого для повествования лица на что-либо, и его свободное употребление является более частотным, ср.: Житие Андрея Юродивого (XI в., список XIV в.): «Рече ему уноша, **улыскаяся лицомъ**», «цъсарь же **улыснувся**, выня ис пазухы своя нѣчто узрачье», «он же видивъ его **улыснуса** и обратився рече емоу именемъ»; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (XII в., список XV в.): «**оулысну же ся** тить и рече да боуди трудъ общъ» и т. п. Стоит также отметить эпизод из Пчелы (XIII в., список XIV в.): «Къ сыноу и къ дчери не **лыщися**, да не послѣди прослезисися», где анализируемый глагол, возможно, скорее употреблен в непрямом значении, близком к 'потворствовать', и единственный фрагмент из этого же памятника, где это слово выступает как оппозиция к смеху: «Буявый въ смѣхъ възносить глас свой, мужъ же мудръ едва с кротостью **улыснеться**», который представляет собой перифразированную цитату из Ветхого Завета (в Изборнике 1076 г.), которая была приведена выше.

В рамках изученных источников старорусского периода выделяется только один переводной памятник, содержащий данный глагол, — Александрия (XV в., список XVII в.). Лексема *улыснутися* встречается в тексте четыре раза и всегда относится к действиям царя Александра, характеризуя его реакцию на что-либо: «си слышавъ александръ, **оулыснуса** и рече к посланным старцемъ», «**оулыснуса** александръ, рече ему. азъ оубо пармении, все възмоу в него», «онъ же не разгнѣвася, но **оулыснуса**», «александръ же, прочеть грамотоу ихъ, **оулыснуса**, въсписа им тако» (НКРЯ). Думается, что в этом случае можно говорить об употреблении лексемы с положительным оттенком значения в связи со значимостью самого субъекта действия.

Итак, сопоставив оба проанализированных глагола (*осклабитися* и *улыснутися*), можно сделать следующие выводы: а) данные лексемы имеют тождественное значение, что подтверждается наличием обоих вариантов при включении одной и той же цитаты в текст памятника, вхождением их в состав одного фразеологически связанного сочетания, вариативным употреблением обеих лексем при переводе одного греческого эквивалента; б) глагол *осклабитися* в основном встречается в оригинальных памятниках, в то время как для глагола *улыснутися* характерно употребление в переводных текстах; в) для глагола *улыснутися* частотным является употребление в «нейтральных» контекстах, а для лексемы *осклабитися* — в эпизодах, связанных с христианской тематикой с положительными коннотациями.

Что касается лексем *помордати* и *похухнати*, то их значение скорее ближе к ‘усмехнуться’, однако для данных лексем в используемых материалах встретилось только по одному контексту, поэтому можно лишь предположить, что данные лексемы употреблялись при описании чьей-л. реакции с иронией или недоверием: Житие Андрея Юродивого: «Святыи **помордавъ** и молча и посмѣвася невѣдѣнию»; Изборник 1073 г. (XI в., список XI в.): «Яко же се бы зълѣ увязыша речемъ, **похухнавъше** носъмъ: добро дѣло изрядно сътвориль еси, друже» («Материалы»).

3.9. Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих отношение к кому-, чему-л. с насмешкой, издевательством

Данная ЛСГ представлена следующими лексемами: *смѣяться, въсмѣяться, глумиться, москолудити, насмѣхаться, насмисатися, нахугнати, обругати, обруговати, пересмѣхати, пересмѣяти, пересмѣются, помродати, помъркати, поругати, поругатися, поруговати, посмисати, посмисатися, посмихатися, посмияватися, посмиятятся, похритати, похритатися, поохритатися, ругатися, усмихатися, хритатися, шегати.*

В центре этой группы находится синонимический ряд глаголов *смѣяться* — *ругатися* — *глумиться* — *похритати* — *москолудити* — *помродати* — *шегати*, из которых наиболее частотными являются лексемы *ругатися* и *смѣяться* и однокоренные.

Итак, глагол *ругатися* входит в ЛСП «Смех» в своем первом значении ‘насмехаться, глумиться, издеваться’¹. Характерными отрывками, включающими данный глагол, являются эпизоды из агиографических текстов²: Житие Алексия Человека Божия (XI в., список XII в.): «Отроки же по вся вечера пакости ему дѣяху, **ругающеся**: они же пѣхаютъ его ногами, друзии же заушахуть, инии же пакы, опанице омывающе, възливаху на нь помья»; Житие Авраамия Смоленского (XIII в., список XVII в.): «Посланыя же слугы, емше, яко злодѣа влачяху, овии **ругахуся** ему, инии же насмихахуся ему и бесчинная словеса кыдающе...» и т. п.

Во всех подобных эпизодах описывается жизненный путь святого и издевательства над ним со стороны людей. Следует отметить, для глагола *ругатися* характерно абсолютное употребление, либо сочетание с дат. п. Интересен второй пример, в котором видим перечисление с глаголом *насмихатися*, можно предположить, что в таких случаях актуализируется смеховой компонент в значении анализируемого глагола. Субъектом

---

¹ Стоит еще раз подчеркнуть, что далеко не во всех случаях значение можно интерпретировать однозначно и многие соображения носят лишь предположительный характер.

² Источниками для всех приведенных в параграфе цитат послужили Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы и Национальный корпус русского языка.

насмешки в подобных примерах, как правило, являются отрицательные лица, реже глагол *ругатися* используется для характеристики действий положительных героев.

Реже глагол *ругатися* в этом значении употребляется в памятниках других жанров: Пандекты Антиоха (XI в., список XI в.): Пользынѣ убо есть паче поругану бывати, неже **поруговати**; правдыныи бо поругаеми бывають»; Повесть об Акире Премудром (XI в., список XV в.): «Сыну, аще въ знаемых людехъ сѣдя, худобы своя не являй, егда како **поругаются** и не послушаютъ наказания твоего». Здесь также видим поучительные эпизоды, но во втором примере анализируемая лексема описывает предполагаемую реакцию собеседников на бедность героя, которая может выступить предметом насмешки. Стоит подчеркнуть, что префиксальные глаголы, образованные от *ругатися* в этом значении, встречаются гораздо реже, более частотным для них является значение ‘подвергнуть поруганию, оскорблению’.

В целом в древнерусский период использование глагола *ругатися* в значении ‘насмехаться’ составляет примерно 1/3 всех встретившихся случаев употребления и широко распространено как в переводных памятниках, так и в собственно древнерусских текстах. В содержательном плане данная лексема и однокоренные глаголы обычно встречаются в контекстах, связанных с поведением отрицательных персонажей.

В старорусский период анализируемый глагол также широко распространен в памятниках различного жанра, однако можно сказать, что возрастает количество его употреблений в значении ‘бранить, хулить, обзывать’, ср.: Александрия (XV в., список XVII в.): «И се рекъ половину их пусти к Дарию и к нимъ рече: “Не зазирайте мене о семъ, но царю вашему **ругайтесе**, азъ бо царя его имам, а он мене разбойника нарече...”»; Домострой (XVI в., список XVI в.): «И аще кто нечювьственъ и не искусень, и не ученъ, и невѣжда не рассуждая всякаго брашна в пресыщения начинаетъ и небрегомо творить, будет и самъ **пруганъ** и посмѣян, и обещестень от Бога и от человекъ». Следует отметить, что в памятниках старорусского периода

встретился один случай употребления анализируемой лексики в сочетании с вин. п., то есть в значении и позиции, близких к современной: Житие Корнилия Комельского (XVI в., список XVI в.): «По немногом же времени начали звонить к заутрене, и пришел к нему брат, живший с ним, начал его будить, **ругая** его и говоря...».

В значении ‘насмехаться, глумиться, издеваться’ в древнерусских текстах встречается и глагол *смѣяться*: например, отрывок из Изборника 1076 г. (XI в., список XI в.), в котором описывается поведение богатого человека по отношению к бедному: «Аште ли имаше, то поживеть съ тобою, аште ли не имаша — то отъльститъ тя отъ себе, и **всмѣеть** ти **ся**, и възглаголетъ ти добрѣ, и речеть...», или из Слова Даниила Заточника (XII в., список XVII в.), где субъектами злой насмешки являются прежние друзья Даниила: «Очима бо плачюся со мною, а сердцемъ **смѣють** ми **ся**», или из Повести временных лет (XI в., список XV в.), где герой подвергается насмешке со стороны народа: «Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ, и повѣдаше Ной, яко быти потопу, **посмѣхася** ему» и т. п.

Лексема *глумитися* в древнерусский период в значении ‘насмехаться’ встречается гораздо реже, чем в значении ‘веселиться’. Со значением насмешки этот глагол в основном встречается в агиографической или учительной литературе: Слово Кирилла Туровского о расслабленном (XII в., список XIV в.): «Мною вси **глумятыся**, аз же сугубо стражду»; Рязанская кормчая (XIII в., список XIII в.): «аще которыи причетникъ **глумитися** и посмихается слѣпому и глухому и хрому... таковыи да отлучитися» и т. д.

В текстах старорусского периода также преобладают фрагменты, маркированные глаголом *глумитися* в значении ‘веселиться’. Как правило, это отрывки из текстов дидактической направленности, в которых чрезмерное и пустое веселье осуждается в соответствии с религиозными принципами, воспринимается как языческая черта: Стоглав (XVI в., список XVII в.): «А учнут которые священницы и дьякони житии в слабости и въ пьянствѣ, и в

прочих неподобных дѣлех, ихже ненавидит Бог, или учнут **глумитися** мирскими кощунами и ходити на мирская позорища» и т. д.

Глаголы *похритати*, *москолудити*, *помродати*¹ и *шегати* являются редкими в древнерусском языке. Лексема *похритати* по значению наиболее близка глаголу *ругатися* и встречается только в древнерусских памятниках, а именно в учительной литературе и житии в отрицательных контекстах, что обусловлено самой семантикой глагола: Поучение Луки Жидята (XI в., список XVI в.): «не **похритаися** не посмѣися никомуже. в напасти же терпи. на бога оупованіе имея»²; Поучение Владимира Мономаха (XII в., список XIV в.): «Аще ли кому не люба грамотица си, а не **поохритаються**, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвиль». По замечанию Молдована, бесприваочная форма этого глагола встречается только в Житии Андрея Юродивого и в Огласительном поучении Феодора Студита (XIV в., список XV в.)³: «...того ради страха и любве не ругающесе ни досажаяще ни **хритающесе** ни в темницу всажаяще...».

Что касается глагола *москолудити*, то он встречается один раз и только в одном памятнике — Житии Андрея Юродивого: «бьюще его измѣняющесе и паки сѣдше пяху. не дающе праведнику ничегоже. нъ паче пястями пяху. и по шии бяху **москолудяце**»⁴. В приведенном эпизоде описываются злоключения святого в миру, издевательства над ним со стороны злых людей. Исходя лишь из этого фрагмента, сложно однозначно определить семантику данного глагола, вполне возможно, что здесь реализуется именно значение ‘издеваться’. В других списках Жития эта лексема заменяется на сочетания: *мерско глаголаше*, *глумом творяще*, а в ю.-слав. переводе — на *поношающе емоу*⁵.

---

¹ Проанализировать употребление этой лексемы не представляется возможным, так как для иллюстрации данного глагола Срезневским дается лишь одна краткая цитата из Жития Андрея Юродивого: «Помродаша, смѣющесе», а в используемых источниках эта лексема отсутствует.

² Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель / Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. М., 2016. С. 163.

³ Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 99.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 92.

Наконец, глагол *шегати* также фиксируется только в одном тексте — Житии Феодосия Печерского: «Твои же раби, и якоже рече, дѣлають сварящеса и **шегающе** и кльнуще другъ друга, многашьды же и биemi суть от приставьникъ», где его употребление сходно с глаголом *ругатися*.

В целом, сопоставляя функционирование данных глаголов, можно предположить, что содержание смехового компонента все же больше в глаголах типа *посмѣятися* и *глумитися*, в то время как глаголы *ругатися*, *похритати*, *москолудити*, *помродати*, *шегати* относятся к дальней периферии ЛСП, содержат меньшее количество сем, связанных со смехом. Также стоит отметить, что рассмотренная ЛСГ является самой объемной по количеству составляющих ее лексем, что может быть обусловлено высокой значимостью именно насмешливого смеха для экспликации основных понятий, смыслов и идей древнерусской культуры (см. также п. 2.3.).

3.10. Выводы

Итак, в результате рассмотрения состава и структуры лексико-семантического поля «Смех» в древнерусском языке, а также анализа функционирования компонентов всех основных и нескольких периферийных лексико-семантических групп в текстах XI—XIV вв. можно сделать следующие выводы:

1) ЛСП «Смех» в древнерусском языке состоит из следующих семантических блоков: а) лексемы, обозначающие собственно смех и улыбку; б) слова со значением веселья / радости; в) лексические единицы, обозначающие насмешку над кем-, чем-л.; в) лексемы, семантика которых связана с процессом игры.

2) К ядру поля относятся лексико-семантические группы сущ. и глаголов со значением смеха и улыбки, которые в свою очередь также можно разделить на центральные и периферийные в зависимости от частотности их употребления в памятниках. Так, лексемы *смѣхъ*, *грохотъ*, *грохотание*, *смѣяться*, *грохотатися*, *осклабление*, *улыщание*, *улыснутися* / *улыскатися*, *осклабитися*, для которых характерны наиболее высокие количественные показатели, составляют центр ядерных ЛСГ, в то время как такие редкие слова, как *смѣховеселие*, *смияние*, *поулыщание*, *помордати* и др., будут скорее являться периферийными по отношению к вышеперечисленным и входить в ближнюю периферию поля.

В целом периферию ЛСП «Смех» составляют остальные ЛСГ в полном составе, например, ЛСГ существительных-наименований лиц по поведению: *игръникъ*, *скоморохъ*, *смѣхословъць* и др.; ЛСГ глаголов, обозначающих отношение к кому-, чему-л. с издевательством, насмешкой: *ругатися*, *похритатися*, *насмѣхатися* и т. д.

3) ЛСП «Смех» состоит из 15 лексико-семантических групп, включающих 7 групп существительных, 5 групп глаголов, 2 группы прилагательных и 1 группу наречий.

Общее количество слов, входящих в исследуемое лексико-семантическое (по данным сплошной выборки из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского) составляет 156 лексических единиц. При этом количество лексем, отобранных из лексикографического источника, превышает количество слов, встретившихся в памятниках XI—XIV вв., однако уступает лексемам, отобранным из памятников, по числу словообразовательных вариантов (ср., например, некоторые глаголы со значением начала действия, отсутствующие в исходном словарном списке: *възвеселится, обърадоватися* и др.).

4) Структура исследуемого ЛСП не является четкой, характеризуется размытостью внутренних границ, что обусловлено как неоднородным характером ядерной зоны, так и возможностью вхождения одних и тех же периферийных лексем в состав разных парадигм, их диффузной семантикой (ср., например, значение и употребление глаголов *насмѣхатися* и *ругатися* или сущ. *веселие*).

5) Анализ единиц ядерных ЛСГ свидетельствует о высокой частотности употребления лишь двух центральных единиц, концентрирующих в себе смеховой компонент: *смѣхъ* и *смѣятися*, что говорит об их высокой лингвокультурной значимости. Экспрессивные синонимы этих лексем (*грохоть, грохотатися*) характеризуются сравнительно низкой частотностью в древнерусских текстах, образуют с центральным глаголом устойчивое сочетание *грохотомъ смѣятися*. В целом характерной сферой употребления данных лексем является учительная литература.

Что касается лексем со значением улыбки (*улыщание, осклабление, улыскатися, осклабитися* и др.), то нужно отметить, что все они являются редкими в древнерусском языке и в памятниках Древней Руси употребляются либо для обозначения реакции значимого для повествования лица на что-л., либо составляют антитезу, противопоставляются смеху как допустимое или желательное с точки зрения христианской морали проявление радости /

веселья. Для всех центральных ЛСГ стоит отметить преимущественное употребление глагольных единиц по сравнению с субстантивами;

б) Существенную долю ЛСП смеха составляют редкие (возможно, более экспрессивные) лексемы, для которых фиксируются лишь единичные случаи употребления в текстах, ср. лексемы типа *похритати*, *хухнати*, *помордати*, *москолудити*, *шегати* и т. п.

7) Значимыми для ЛСП «Смех» семантическими пластами являются насмешливый смех и сфера игры, что подтверждается существенным количеством лексических единиц, входящих в соответствующие ЛСГ, их высокой частотностью в древнерусских текстах, а также вхождением в синонимические ряды и ряды перечисления с лексемами ядерных ЛСГ.

В целом приведенные данные свидетельствуют о высокой значимости всего, что связано со смехом и смеховой культурой в древнерусском языковом сознании.

Заключение

Итак, в ходе работы был изучен и освещен теоретический материал, посвященный явлению смеха в культуре и языке, а также основным понятиям, используемым в работе, и научным проблемам, связанным с ними. Кроме того, нами был определен состав и объем лексико-семантического поля смеха в древнерусском языке, предложена классификация единиц поля с точки зрения составляющих поле более мелких словарных объединений (лексико-семантических групп), а также их принадлежности к ядру и периферии.

В работе были рассмотрены деривационные связи основных лексем, составляющих ЛСП «Смех», составлены и проанализированы их словообразовательные гнезда, даны этимологические и морфологические характеристики лексических единиц. Также был выполнен анализ основных фрагментов памятников XI—XIV вв., маркированных лексемами, входящими в наиболее частотные ЛСГ, включая стилистическую характеристику, а также лексическую и синтаксическую сочетаемость слов.

В ходе исследования удалось прийти к следующим выводам:

Лексико-семантическое поле смеха является одним из важных фрагментов древнерусского языка и культуры, отражает особенности мировидения, связанные прежде всего с христианизированной культурой Древней Руси. Так, практически все лексемы, принадлежащие ЛСП «Смех» (как ядерные, так и периферийные) имеют функциональную закрепленность: характерной сферой их употребления является учительная литература или фрагменты дидактической направленности, где смех и его проявления осуждаются как неприемлемое для религиозного человека поведение. Исключением можно считать центральный глагол *смѣяться* (и его глагольные дериваты), который может употребляться при описании реакции действующего лица на что-либо без отрицательных коннотаций.

Лексико-семантическое поле смеха, в силу размытости семантики составляющих его лексем, а также нечеткости внешних границ, имеет ряд пересечений с рядом смежных ЛСП древнерусского языка: полем эмоций,

игры, межличностных отношений, поведения и т. д., специфика которых сохраняется и на уровне лексики и ее системных связей в ЛСП смеха.

Своеобразие системных отношений лексем, составляющих ЛСП «Смех», определяется рядом специфических особенностей, среди которых стоит отметить наличие большого количества параллельных форм, семантически тождественных друг другу: ср. *веселится* и *веселоватися*, *глумьникъ* и *глумьць*, *посмихатися* и *посмияватися* и т. д. Стоит подчеркнуть, что вариантность чаще всего обусловлена процессами префиксации и суффиксации, при этом в лексикографических источниках зафиксированы фонетические и орфографические варианты слов.

Кроме того, необходимо отметить диффузность и синкретизм значения слова в древнерусском языке, что затрудняет четкое различение отдельных ЛСВ слова и в сочетании с системной вариативностью приводит к функциональной дублетности. Можно предположить, что отсутствие семантического многообразия лексических единиц, составляющих ЛСП «Смех», и обуславливает потребность в многоморфемных дериватах.

Большинство словообразовательных гнезд, включающих основные единицы ЛСП, отличается частеречной насыщенностью, однако большую часть пространства СГ занимает глагол, так как слова именно этой части речи являются носителями семантики процессуальности, динамичности — основными категориями, определяющими явление смеха и связанных с ним действий в древнерусских текстах. Самыми объемными и разнообразными СГ с точки зрения составляющих их единиц являются СГ с вершинами *смѣятися* (37 лексем), *игра* (15 лексем), *веселыи* (13 лексем), что может говорить о высокой значимости данных сфер для древнерусской культуры и позволяет отнести соответствующие им ЛСГ к ядру и ближней периферии ЛСП «Смех».

При общем внешнем разнообразии лексем стоит отметить практически полное отсутствие дифференциальных сем у единиц собственно внутри выделенных ЛСГ, что не позволяет представить группы в виде градационных рядов, выявить тонкие смысловые оттенки, различающие анализируемые

лексемы. Данный факт, как уже было отмечено, связан с диффузной семантикой слова в древнерусском языке, варьирующейся в достаточно широких пределах и отчасти обуславливающей возможность построения объемных, многокомпонентных синонимических рядов с этими лексемами.

С точки зрения различных семантических блоков, составляющих ЛСП смеха, стоит отметить превалирующее число лексем, связанных с насмешкой (ср. хотя бы существенную долю подобных значений в СГ с вершиной *смѣяться*, а также наибольшее количество слов в ЛСГ глаголов, обозначающих насмешку, по сравнению с остальными ЛСГ), что указывает на релевантность данной сферы для смеховой культуры Древней Руси: через насмешку реализуется категория оценки, эксплицируется набор значимых для древнерусского человека ценностей и моделей поведения. Следует, однако, иметь в виду ощутимую семантическую отдаленность значений подобных лексем от собственно смеховых и их отнесенность к дальней периферии ЛСП.

В результате проведенного исследования можно предположить, что национальная специфика ЛСП смеха проявляется а) на парадигматическом уровне, что находит выражение в довольно большом количестве ЛСГ, синонимических рядов (так, синонимический ряд с доминантой *насмѣхатися* насчитывает 30 лексем); б) на синтагматическом уровне: анализ фрагментов, содержащих сущ. *смѣхъ*, позволил выявить типичные случаи употребления этой лексемы в качестве осуждаемого поведения, его маркированность отрицательными коннотациями и сочетание с прил. *лихои*, *непохвальными*, *неудръжимыми* и т. д.; в) деривации: наличие объемных словообразовательных гнезд и высокая словообразовательная активность основных лексем указывает на большую значимость рассмотренного семантического пласта для древнерусского языка и в целом для культуры Древней Руси.

Что касается развития значения и употребления основных глаголов в текстах старорусского периода (XV—XVII вв.), то можно сделать следующие выводы: а) в отношении глагола *смѣяться* прослеживается превалирующее число употреблений в значении ‘насмехаться’, меньшее количество

контекстов, описывающих чью-либо реакцию, и совсем редкое употребление этого глагола во фрагментах дидактической направленности. В текстах старорусского периода наблюдаются новые варианты синтаксической сочетаемости глагола (с мест. п.), а также уменьшение вариативности префиксов; б) в отношении глагола *улыскатися* прослеживается тенденция к снижению частоты употреблений, а в целом для глаголов улыбки по сравнению с древнерусским периодом не отмечается качественных преобразований в семантической структуре лексем; в) глагол *грозотатися* не претерпевает изменений в семантической структуре, в текстах XV—XVII вв. фиксируется реже. По сравнению с древнерусским периодом меняется характер памятников, включающих данный глагол: это только непереводаемые тексты; г) в отношении глагола *ругатися* можно говорить о преобладающем числе употреблений в значении ‘бранить’, кроме того, в старорусский период отмечается единственный случай употребления лексемы *ругатися* с вин. п.; д) наконец, лексема *глумитися* в текстах XV—XVII вв. по сравнению с древнерусским периодом не претерпевает существенных семантических преобразований, однако можно говорить о постепенном нарастании количества ее употреблений в старорусских памятниках в значении ‘насмехаться, издеваться’.

Словари

1. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—12. М., 1988—2016.
2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1983—1912.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964—1973.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1999.
5. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—32. М., 1974—2005; под ред. А. Ф. Журавлева. Вып. 33—37. М., 2007—2011.

Литература

1. Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., 1993. С. 341—345.
2. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М., 1992.
3. Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: на материале прилагательных цветообозначений русского языка. Л., 1986.
4. Арнольд И. В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1991. №3. С. 118—126.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
6. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначений эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
7. Багдасарова Н. А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М, 1965.
9. Бачурина К. В. 'Смех' и 'улыбка' как мотивирующие признаки при номинации понятий лексико-семантического поля 'насмехаться' в русском языке. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/6880/uid90285_421474c2e576dea62619ef9af87968ce2243fcbd.doc (дата обращения: 20. 04. 2018).
10. Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975.
11. Бобров А. Г. Смех в «Повести временных лет» // Русская литература. 2014. №2. С. 5—21.
12. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. №1. С. 13—23.
13. Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978. №4. С. 4—18.

14. Будагов Р. А. Слово и его значение. М., 2003.
15. Буракова О. М. Семантическое поле в кругу других групп лексики: сравнительный аспект // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2008. №4. С. 107—111.
16. Васильев А. Д. Динамика слова в истории русского языка. Красноярск, 1993.
17. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 105—113.
18. Васильева Г. М. Динамика лексико-семантической группы наименований лиц по профессии: лингвокультурологический и лингвометодический аспекты // Мир русского слова. 2013. №2. С. 91—95.
19. Васильева И. В. Грохот // Русская речь. 2013. №3. С. 123—127.
20. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
21. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901.
22. Дмитриев Д. В. Синонимические дублиеты библейского происхождения в древнерусской письменности // Динамика русского слова: межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В. В. Колесова. СПб., 1994. С. 43—51.
23. Заметалина М. Н. К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии // Филологические науки. 2002. №5. С. 89—93.
24. Карасев Л. В. Философия смеха. М., 1996.
25. Караулов Ю. Н. Общая русская идеография. М., 1976.
26. Клименко Л. П. Лексико-семантическая система древнерусского глагола и ее отражение в памятниках письменности XI—XIV вв. Горький, 1990.
27. Козинцев А. Г. Антропология смеха: на пути к синтезу // Докса. 2008. №13. С. 58—66.
28. Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюды о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб., 2002. С. 5—43.
29. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
30. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.

31. Колесов В. В. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1985. №2. С. 80—87.
32. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
33. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 2008.
34. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.
35. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2005.
36. Кузнецова А. И. Некоторые закономерности изменения значений слов // Русский язык в школе. 1960. №2. С. 22—26.
37. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
38. Кузнецова О. А. История и мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2015. №395. С. 10—17.
39. Кузнецова О. Д. Лексико-семантические процессы в говорах // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С. 117—130.
40. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.
41. Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
42. Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (К вопросу о природе лексико-семантических групп): автореф. дис. ...доктора филол. наук. М., 1974.
43. Курлюта И. Н. Семантическое поле глаголов с общим значением «делать» в древнерусском языке XI–XIV вв.: дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 2002.
44. Кочерган М. П. Лексическая сочетаемость и лексико-семантическая типология // Филологические науки. 1980. №5. С. 40—49.
45. Крысько В. Б. Глаголы со значением *transgrendi* в истории русского языка: общая характеристика // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1989. С. 84—91.

46. Ларин Б. А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // История русского языка и общее языкознание. М., 1997. С. 11—43.
47. Лихачев Д. С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 73—92.
48. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
49. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. №3. С. 148—167.
50. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель / Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. М., 2016.
51. Маркова Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке. М., 2007.
52. Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. II (*желуница, хмылить, хаут, шквора, скрень*) // Этимология 1982 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 39—47.
53. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981.
54. Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв.: автореф. дис ...доктора филол. наук. М., 1979.
55. Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
56. Молдован А. М. Лексический аспект в истории церковнославянского языка // Вопросы языкознания. 1997. №3. С. 63—75.
57. Никандрова И. А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. №3. С. 22—25.
58. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
59. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
60. Постовалова В. И. «Смех» и «слезы» в православном мирозерцании // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 70—88.

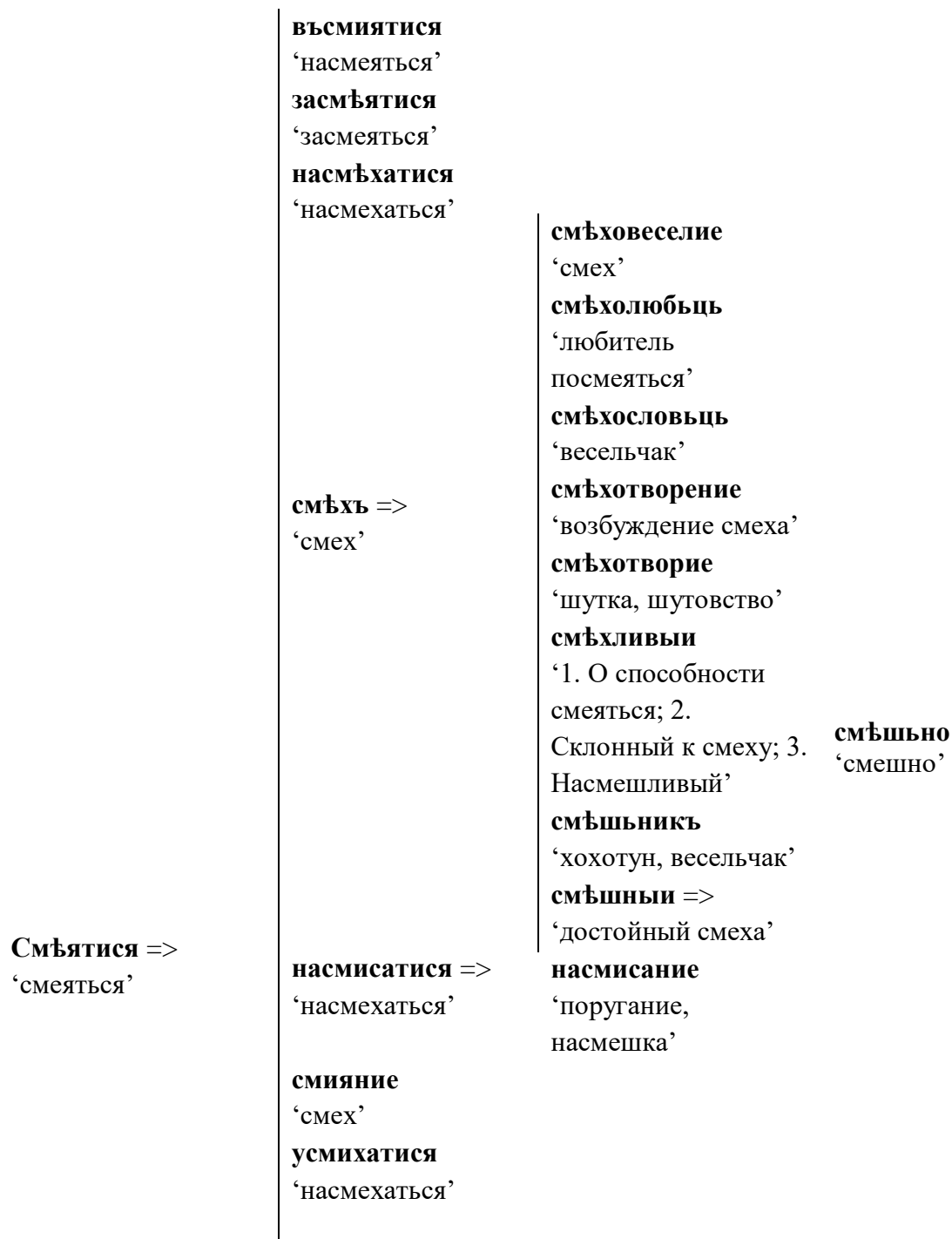
61. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / научная редакция, комментарии Ю. С. Расказова. М., 1999.
62. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванов В. В. и др. СПб.; М.; Краснодар, 2003.
63. Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885.
64. Стеблин-Каменский М. И. Апология смеха // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37. №2. М., 1978.
65. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.
66. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995.
67. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М., 1962.
68. Уфимцева А. А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 30—63.
69. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
70. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. Избранные труды. М., 2008. С. 229—239.
71. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956.
72. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 2007.
73. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2006.
74. Штукарева Е. Б. О соотношении терминов «лексико-семантическое поле» — «лексико-семантическая группа» — «тематическая группа» в лингвистической литературе // Вопросы филологических наук. 2009. №4. С. 90—93.
75. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.; Л., 1974.

76. Borowski Y. *Laughter in Ancient Greek Drama of the Classical Period. Tragedy and Satyr Play*: дис. ... канд. филол. наук. Łódź, 2015.

Приложение

Словообразовательные гнезда основных лексем, составляющих ЛСП «Смех» в древнерусском языке¹

Рисунок 1. Словообразовательное гнездо с вершиной *смѣяться*

¹ Значения лексем приводятся по «Материалам для словаря древнерусского языка» Срезневского. Даются только ЛСВ, входящие в ЛСП смеха. Звездочкой отмечены лексемы, которые не зафиксированы в «Материалах» Срезневского либо не входят в исследуемое ЛСП.

пересмѣхати =>
'осмеивать,
высмеивать'

пересмѣяти =>
'высмеять,
насмеяться'

просмѣяться
'улыбнуться'

посмѣхаться =>
'насмеяться'

посмисати =>
'осмеивать'

посмияться =>
'насмеяться,
осмеивать'

**расмѣяться /
росмѣяться**
'засмеяться,
рассмеяться'

смѣятельный
'способность
смеяться'

*смѣшити =>
'вызывать смех'

пересмѣшныи
'относящийся к
высмеиванию'

пересмѣхъ
'действие по глаг.
пересмѣхати'

пересмѣяться
'то же, что *пересмѣяти*'

посмѣхъ
'насмешка, посмешище'

посмѣшникъ
'насмешник'

посмѣшныи
'смешной, вызывающий насмешку'

посмисаться
'насмеяться'
посмисание
'насмешка, поругание'

посмияние
'смех, насмешка'

посмияваться
'насмеяться, относиться насмешливо'

росмѣшити / розсмешити
'вызвать смех, рассмешить'

Рисунок 2. Словообразовательное гнездо с вершиной *грохотъ*

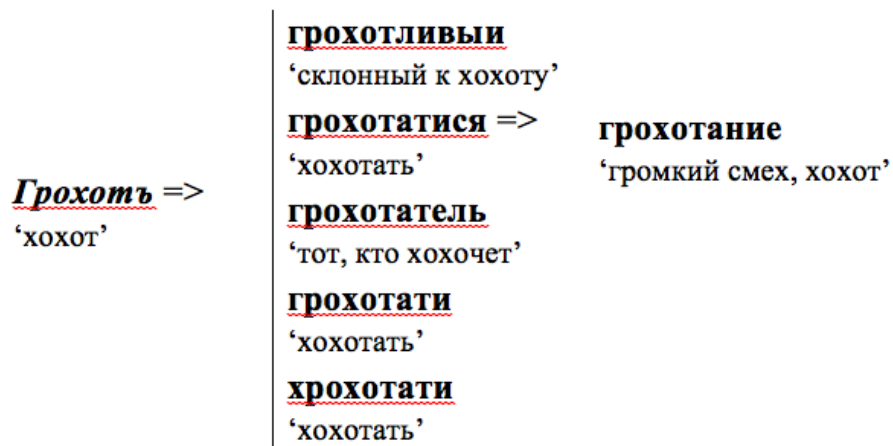

Рисунок 3. Словообразовательное гнездо с вершиной *глумь*

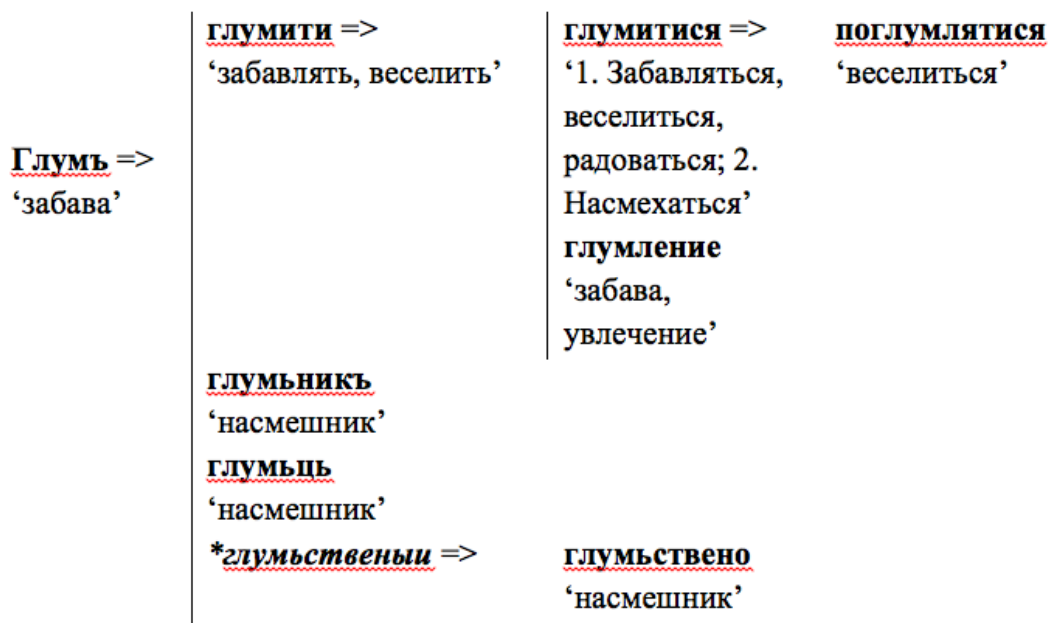

Рисунок 4. Словообразовательное гнездо с вершиной *ругати*

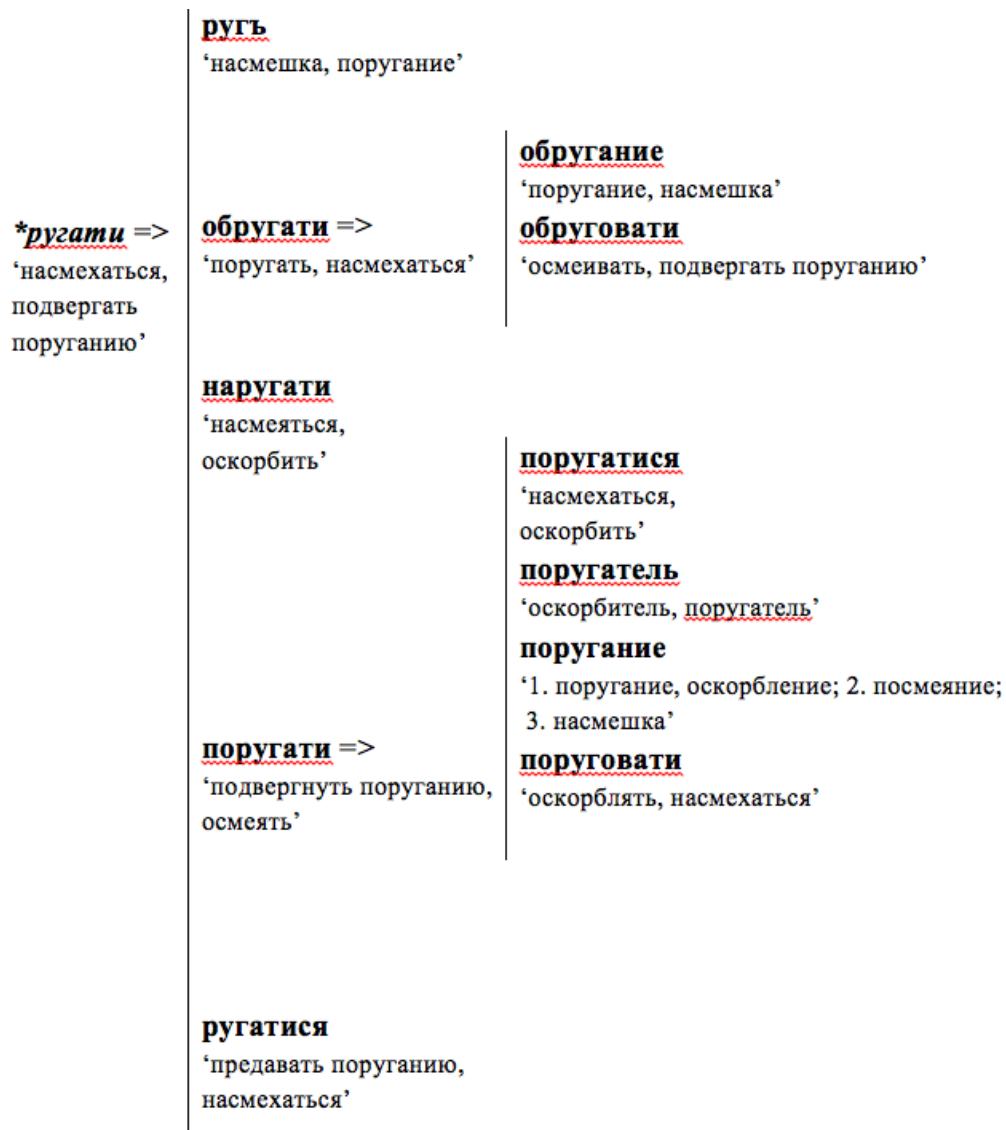

Рисунок 5. Словообразовательное гнездо с вершиной *улыскатися*

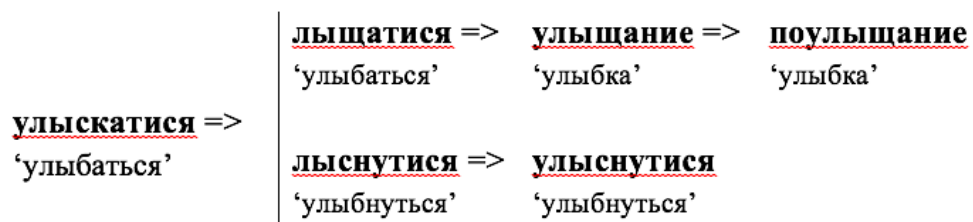

Рисунок 6. Словообразовательное гнездо с вершиной *хритати*

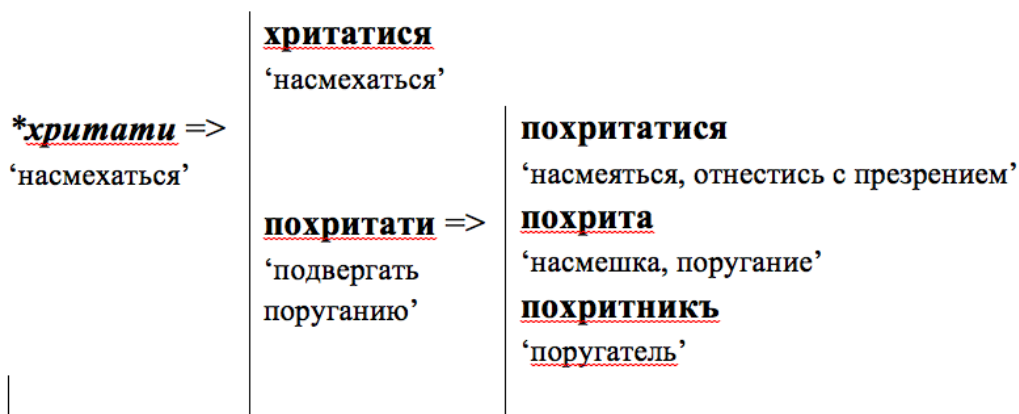

Рисунок 7. Словообразовательное гнездо с вершиной *хухнати*

Рисунок 8. Словообразовательное гнездо с вершиной *веселыи*

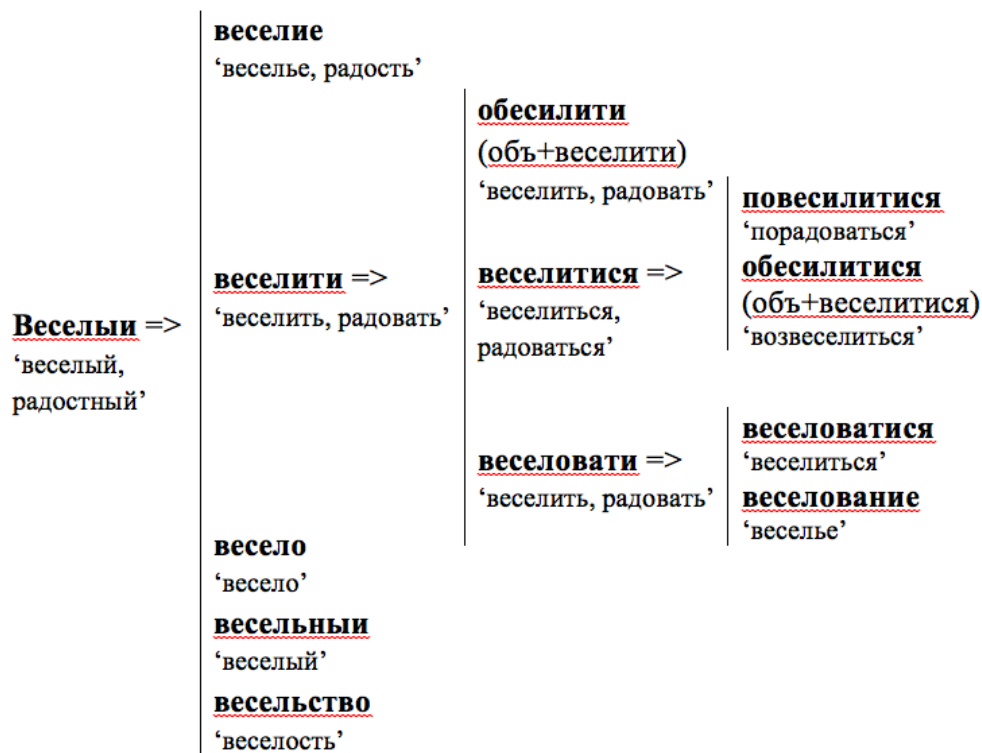

Рисунок 9. Словообразовательное гнездо с вершиной *радыи*

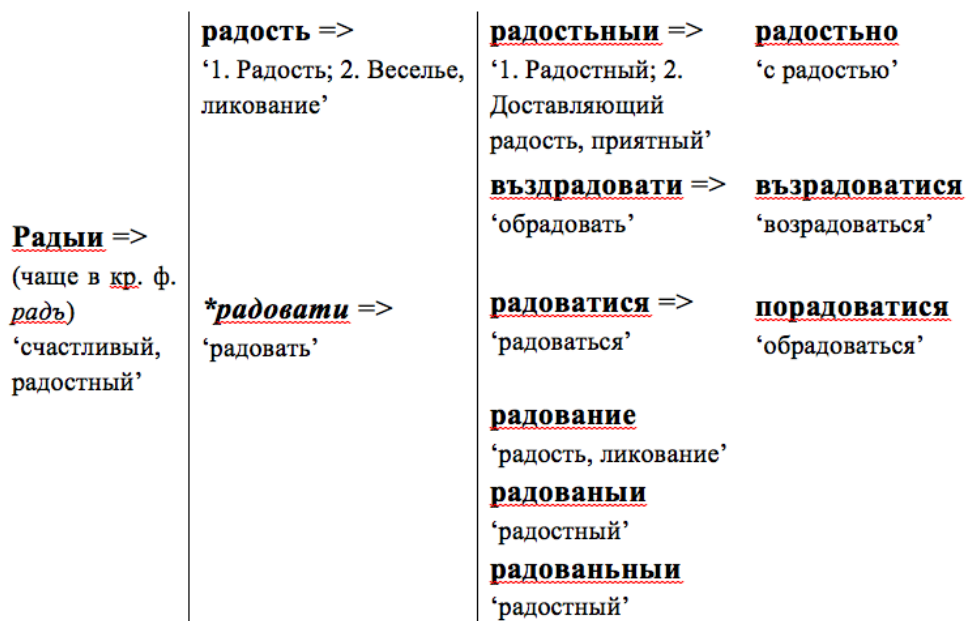

Рисунок 10. Словообразовательное гнездо с вершиной *игра*

<p>Игра => '1. Игра, забава; 2. Ритуальные языческие пляски, песни, игры'</p>	<p><u>играти</u> => '1. Забавляться; 2. Веселиться, ликовать; 3. Шутить; 4. Насмехаться'</p>	<p><u>играние</u> '1. Игра, забава, развлечение; 2. Исполнение ритуальных языческих песен'</p>	<p><u>взыграться</u> 'начать веселиться, играть, резвиться'</p>	
	<p><u>игрище</u> '1. Забава, зрелище; 2. Место игры, зрелища'</p>	<p><u>взыграти</u> => 'начать веселиться, играть, резвиться'</p>	<p><u>взыграние</u> 'веселье'</p>	
	<p><u>игралище</u> '1. Место игры, зрелища; 2. Игра'</p>			
	<p><u>игрьнище</u> 'место игры, зрелища'</p>			
	<p><u>игрелюбьць</u> 'любитель развлечений'</p>			
	<p><u>игральныи</u> 'предназначенный для игры, забавы'</p>			
	<p><u>игрь</u> => 'игра'</p>	<p><u>игрьливыи</u> 'кокетливый, склонный к развлечениям'</p>	<p><u>игрьникъ</u> 'тот, кто играет'</p>	<p><u>игрьць</u> 'плясун, скоморох, тот, кто устраивает развлечения, игрища'</p>

Рисунок 11. Словообразовательное гнездо с вершиной *морда*

<p>*морда =></p>	<p><u>мордати</u> 'кривляться'</p>
	<p><u>помордати</u> 'усмехнуться'</p>
	<p><u>помродати</u> 'насмехаться'</p>
	<p><u>помъркати</u> 'насмехаться'</p>